HIERONYMO SAVONAROLA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- А. К. Шеллер (А. Михайлов)
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

А. К. Шеллер (А. Михайлов)
Джироламо Савонарола
Его жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк
С портретом Савонаролы по бюсту в церкви Св. Марка во Флоренции

HIERONIMO SAVONAROLA

Глава I

Разъединение Италии в XV веке. – Борьба между правителями отдельных итальянских государств. – Деморализация всех классов общества, высших и низших

В XV веке Италия представляла собою картину полнейшего внутреннего разлада. Весь полуостров распадался на отдельные государства, и все они смотрели друг на друга не как на составные, случайно распавшиеся части одного целого, а как на врагов. Враждовали между собою не только крупные области, но и отдельные города, призывая на помощь иностранцев: французов, испанцев, турок, которые грабили не только врагов, но и союзников, и даже нейтральные провинции. Во всей Италии было полное отсутствие общего национального духа, и даже самое слово “Италия”, не исчезнувшее из народного языка, в действительности не представляло никакого определенного понятия. Стремление к разрозненности не ограничивалось нескончаемыми спорами с близкими или дальними соседями, так как нередко отдельные области входили между собою в союзы для общего нападения или общей защиты; не было почти никакого единства и внутри государств. Постоянное желание захватить в свои руки власть возбуждало отдельные партии к взаимной вражде, и опять в этих внутренних междоусобицах деятельное участие принимали посторонние, в надежде поживиться за счет споривших. Одерживая верх, победители пускали в ход кровавую расправу; ссылка, убийства, открытые и тайные, были возмездием за сопротивление побежденных, которым оставалось только вне отечества искать спасения и составлять заговоры против притеснителей, чтобы, в свою очередь, при удаче, жестоко отплатить им за испытанные лишения. Достаточно в общих чертах припомнить историю внутренней жизни итальянских государств того времени, чтобы в памяти воскресли хорошо известные имена: Монтекки и Капулетти, Берголини и Распанти, Торриани и Висконти, Орсини и Колонны, – все это имена, служившие синонимами мести и крови. Резня шла открытая и тайная, убивали на улицах среди бела дня и предательски, из-за угла.

При таком неестественном порядке вещей неестественным было и развитие итальянских государств. Обрисованная общими штрихами картина имела только одну светлую сторону, несколько примирявшую просвещенных людей того времени с тяжелым положением вещей: тщеславие побуждало отдельных правителей щегольнуть перед врагами не только внешним

могуществом, но и развитием в своих областях наук и искусств, которые были доведены в Италии до процветания, неизвестного в остальной Европе. Данте, Ариосто, Тассо, Рафаэль, Микеланджело, Макиавелли, Петрарка, Боккаччо, – все эти люди, так или иначе, были обязаны покровительству меценатствующих друг перед другом пап, герцогов, королей. При помощи тех же меценатов возникли и расширились итальянские университеты, давшие немалое число ученых, бывшие рассадниками деятелей Возрождения, наук, гуманизма. Но, с другой стороны, это же обстоятельство заставляло образованную часть общества еще глубже задумываться над окружающею жизнью, ее проявлениями и причинами.

Древний центр Рим утратил свое первенство, и было на Апеннинском полуострове несколько других городов с неменьшим значением. Некоторое обаяние Рим еще сохранил как средоточие духовной жизни всего католического мира, хотя нередко сами преемники св. Петра на папском престоле больше врагов христианства и католичества способствовали умалению значения папства.

Но, кажется, никогда так низко не падал авторитет папской власти, как в XV веке, хотя еще предательства и алчность папы Павла II, так много проповедовавшего против гуситов и еретиков, бросили достаточную тень на папство. Он сам мучил римских академиков, заподозренных в уважении к учениям Платона, и один из них даже умер от пытки в его руках. Он делал все, чтобы одолеть чехов, и даже направил на них турок, долженствовавших быть палачами Богемии. Чтобы накопить побольше доходов, он оставлял вакантными места епископов, и над ним смеялись, что он когда-нибудь останется единственным католическим епископом. Но за Павлом II папой сделался Сикст IV, и весь Рим стал указывать пальцами на кардиналов, продавших в священной коллегии свои голоса за его выбор, так как такой человек, как Сикст, мог достигнуть папского престола только при помощи подкупа. Сын простого рыбака, он попал под покровительство одного из богачей; во дворце этого богача его развратили до мозга костей, но в то же время дали ему разностороннее образование. Дальнейший его путь был путем невообразимого разврата, алчного добывания денег всеми средствами и бешеной траты этих денег. “Никогда Содом и Гоморра, – говорят современники, – не были ареною таких гнусностей, какие происходят теперь”. У папы было много родственников, отличавшихся расточительностью; но всех в этом отношении затмевал племянник папы, Пиетро Риарио. “Роскошь его празднеств превосходит роскошь этрусков, – говорит его

современник, – а они превосходят изобилием пиры язычников”. Когда он ехал ко двору, его свита едва умещалась на улицах Рима. Его приемы были еще пышнее папских. На пир, данный им французскому послу, со всей страны было свезено все редкое и драгоценное, и стихотворные описания этого пира облетели всю Европу. При проезде через Рим Элеоноры Арагонской весь путь перед нею до папского дворца был устлан драгоценными коврами. На это время Пиетро Риарио построил на площади Святых Апостолов дворец, в котором стены были сделаны из драгоценных пород деревьев, а вся утварь – из чистого золота и серебра. Чтобы содержать подобных расточителей, нужно было иметь много доходов, и папа не брезгал ничем, начиная с продажи церковных должностей и оплачиваемых отпущений грехов. Развращенный, он был и жестоким. Любимым зрелищем папы были бои двух соперничающих между собою лиц, но к этому присоединялось и кощунство: бойцы не смели начать драки, прежде чей папа подойдет к окну и благословит их драться насмерть. Не лучше была и политическая деятельность Сикста. Это был вполне воинствующий папа. Его кондотьери[1] заливали кровью Италию, и он не обращал даже внимания на серьезные предостережения и советы французского короля, германского императора и английского короля, что единство Италии необходимо для безопасности Европы от турок. Ведя ожесточенную борьбу с итальянскими владетелями, он не щадил и домашних недругов и всех, заподозренных в измене, не стесняясь засаживать в крепость св. Ангела даже кардиналов, или, при помощи приближенных, отравлять своих тайных и явных недоброжелателей. Тогдашнее общество не было избаловано хорошими правителями, и все-таки современники называют день смерти папы Сикста IV счастливейшим днем. “Нынче, – говорит один из них, – Бог освободил народ от руки этого безбожного и бессовестного человека, в душе которого не было ни страха Божия, ни любви к христианскому народу, но царствовали сластолюбие, алчность и пустое тщеславие”. В этот радостный день народ не нашел ничего лучшего для изъявления своей радости, как полное разграбление дома одного из племянников папы, бежавшего со своими драгоценностями из Рима. Разнузданная толпа не только разбила молотами в куски драгоценные статуи во дворце, но вырвала с корнями вековые деревья в его саду. Это бурное мщение не образумило преемника Сикста IV, занявшего папский престол под именем Иннокентия VIII и оказавшегося не лучше своего предшественника, с таким же бесстыдством, но без его ума, готового все сделать за деньги. Что делалось при нем в Риме – трудно описать в коротких словах;

достаточно взять отчет о любом месяце, чтобы изумиться тому, как жилось тогда в вечном городе: 21 февраля 1485 года совершается убийство священника в церкви; 26 числа происходит вооруженное столкновение народа с папской гвардией; 27 числа совершается пять казней; 29 числа господа Орсини и господа Колонна со своими приверженцами вступают в битву на улицах Рима и т.д. Дело дошло до того, что в Риме насчитывалось по двести убийств в две недели. Сами кардиналы дерутся между собою, и их приходится разнимать. Впрочем, кардинальское звание давалось уже без разбора; один из сыновей Медичи, например, был сделан кардиналом на тринадцатом году жизни. Ни одного дня не проходило в Риме без мелких убийств, так как за деньги убийцы оставались безнаказанными. “Бог не желает смерти грешников, – глумились папские прислужники, – а пусть они платят и живут”. Немудрено, что подобному папе могли приписывать даже такие преступления, которых он и не совершал. Говорили, что он будто бы приказал убить трех младенцев, чтобы перелить в себя их кровь и продлить свою угасавшую жизнь. Казалось, что хуже уже не может быть человека на папском престоле; но это только казалось; после смерти Иннокентия VIII для занятия вакантного престола нашелся Родриго Борджиа, подкупивший пятнадцать кардиналов из двадцати избирателей и удостоившийся избрания под именем Александра VI. Он превзошел всех своих предшественников не только разгулом, предательствами и убийствами, но и полным индифферентизмом в делах веры, когда эти дела не сулили ему каких-либо выгод. Даже фанатические защитники папства принуждены сознаться, что легче совсем не говорить об этом папе, чем говорить о нем сдержанно. Он соединял с самими великими пороками очень мало добродетелей или, скорее, не имел вовсе добродетелей. Он подкупом достиг престола св. Петра, и удерживаться на нем ему приходилось бесчестными средствами. Вряд ли есть хоть один историк, который отнесся бы к нему с похвалою.

Такова была нравственность тех лиц, которые возводились на престол св. Петра и должны были служить живым примером для своих духовных детей: всех правителей и народов католической Европы.

Не лучше были в это время и светские власти в Италии.

В Неаполе после великодушного Альфонса трон занял жестокий Фердинанд I, умевший обезоруживать врагов только хитростью, коварством и предательством и из жадности наживавшийся за счет своих подданных. Враждуя с папою Иннокентием, он не находит ничего более удобного, как

устраивать в Риме заговоры, на что папа, конечно, отвечает тем же, и Фердинанд предательски убивает заговорщиков, не смея их наказать публично. Все это не мешает ему в свое время в покаянной одежде испрашивать прощение в Риме у святейшего отца. Это была мелкая и злая душа, неспособная ни к каким благородным порывам. В Милане храбрый кондотьер и хитрый политик Франческо Сфорца оставил престол слабому по уму и способностям Галеаццо Сфорца, но неспособность и умственное бессилие не помешали ему быть жестоким тираном; размеры его жестокости видны из его любимого наказания: он приказывал зарывать виновных в землю по горло и кормить их нечистотами, наслаждаясь продолжительностью их мучений. В Венеции на место ловкого и честолюбивого политика Франческо Фоскари пришел Паскуале Малипиеро, для которого самыми важнейшими событиями были празднества, устраиваемые им на площади св. Марка. Во Флоренции после смерти умного и ловкого Козимо Медичи, без которого, казалось, не могли существовать флорентийцы, бразды правления перешли к совсем неспособному Петру Медичи, едва не утратившему власти над Флоренциею и для себя, и для своей семьи.

Подобная смена сильных представителей власти, утверждавших ее в борьбе с бесчисленными врагами среди тысячи опасностей и препятствий всякого рода, более слабыми или даже совершенно ничтожными преемниками, изнеженными и распущенными, привела не только к упадку умственному и нравственному среди правителей, но губительным образом отозвалась и на развитии общества. При деморализованных правителях трудно было остаться нравственным обществу, и поговорка “каков поп – таков и приход” всегда оправдывается в самом широком смысле. Итальянские правители этого не понимали, бессознательно развращали народ и сами подрывали уважение к власти, подкапывая фундамент созданного ими же здания. Деморализация в Италии была полная. О флорентийцах того времени, например, говорилось: “Они приложили все старания, чтобы жить среди изнеженности, пробили себе путь ко всем самым постыдным и отвратительным порокам. Их отцы при помощи труда, усилий, добродетели, воздержания и честности сделали свое отечество очень цветущим; им же, напротив, отбросившим в сторону всякий стыд, казалось, нечего было терять: они предавались игре, вину, низким удовольствиям. Погрязшие в разгуле, они предавались бессменным оргиям. Они были запятнаны всякими предательствами, всякими преступлениями. Бессилие закона и отсутствие справедливости обеспечивали им полную безнаказанность. Храбрость для них

заменяли наглость и нахальство; свободой нравов считалась преступная снисходительность; светское обращение состояло в злословии и пустой болтовне. Они исполняли все медленно, лениво и беспорядочно, так как лень и низость были правилами их жизни". Эти слова можно было одинаково отнести к любому итальянскому городу того времени.

Но как бы ни пало общество, всегда находятся более светлые личности, которые чувствуют необходимость поднять нравственный и умственный уровень этого общества. В те тяжелые для Италии времена встречается немало несчастных заговорщиков, не преследовавших никаких личных честолюбивых целей и не бывших также наемными или бессознательными участниками политических движений, а искренно увлеченных желанием доставить своей родине счастье, избавлением ее от неминуемой гибели. Но эти безумные попытки не приводили ни к каким результатам. В Милане несчастные юноши Висконти, Ольгиати и Лампуньяни убили Галеаццо Сфорцу. Все трое поплатились жизнью: первые два были убиты на месте преступления в храме, третий подвергся пытке раскаленными щипцами и во время казни живым был изрезан на куски; Милан же остался в прежнем положении тирании. В Ферраре Николай Эсте с шестьюстами товарищами попробовал устроить восстание и погиб со всеми своими сообщниками. Так же было подавлено восстание Джироламо Джентили, попробовавшего сбросить с Генуи иго Милана.

В это-то время явился во Флоренции представитель другого рода борьбы со злоупотреблениями, с падением нравственности, с общественными неурядицами, – борьбы при помощи слова, проповеди, личного примера.

Этим борцом был Иероним Савонарола.

Глава II

Детство Савонаролы. – Придворная жизнь в Ферраре. – Бегство Савонаролы из родного дома и поступление в монастырь

Родиной Савонаролы была Феррара, не нынешняя Феррара, запущенная и пустынная, с поросшими травою улицами, но Феррара XV века, которая жила бьющей ключом жизнью, имея до ста тысяч жителей. Правившая ею семья Эсте, – Николай III и наследовавшие ему незаконнорожденные его сыновья, сперва Лионелло, а потом Борзо, – умела не только не впутываться в распри соседних государств, когда смуты вызывали все, – и прекращение фамилии Висконти, и восстание Милана, и честолюбие Венеции, – но стяжала Ферраре название "страны мира" и привлекла в нее ученых, довела до цветущего состояния университет, положила основание знаменитому музею Эсте, построила госпиталь св. Анны, укрепила город со стороны По, развила книгопечатание. Цветущее состояние города, богатство и широкая жизнь правителей – все это прославило Феррару в такой степени, что из Индии посылались в нее богатые дары, так как правителя Феррары считали там королем всей Италии. Пиры здесь следовали за пирами. Особенно шумно отпраздновали в Ферраре проезд папы Пия II, задумавшего устроить новый крестовый поход против турок. К мысли о походе все отнеслись вполне равнодушно, но празднеств было много. Когда предприятие не удалось и папа снова ехал через Феррару, – празднества были еще великолепнее, еще шумнее. Что-то развратное, языческое было в этих пирах, где папа являлся окруженный языческими почестями, где духовенство встречалось громом светской музыки. 27 мая 1471 года умер последний из двух незаконнорожденных сыновей Николая III, Борзо. Остались в живых Николай, сын покойного Лионелло, и Эрколе I, законный сын Николая III; эти два наследника вступили в борьбу из-за престола. Произошла братоубийственная резня в Ферраре. Победителем остался Эр-коле I, и на другой же день на улицах, обагренных кровью граждан, началось прежнее безумное веселье.

Старинный род Савонаролы происходил из Падуи. В начале XV столетия его семья переселилась в Феррару по приглашению Николая III, пожелавшего видеть при своем дворе знаменитого врача падуанской школы Михаила Савонаролу, прославившегося не только своими знаниями, но и любовью к бедному люду. У Михаила Савонаролы был сын Николай, немало занимавшийся, как дилетант, философией, сводившейся тогда к простой

схоластике, но еще более занимавшийся проеданием при феррарском дворе скопленных его отцом капиталов. Он был женат на Елене Буонокорзи, происходившей из знаменитой мантуанской дворянской семьи и отличавшейся возвышенностью души и почти мужским складом ума и характера. У этой четы 21 сентября 1452 года родился третий ребенок, сын Иероним. Ребенок был не особенно красив, не отличался ни детской веселостью, ни детской беспечностью; серьезный, вдумчивый, сосредоточенный, он не был ни для кого интересен. Но два его старших брата были неудачниками – один пошел в солдаты, другой управлял отцовскими имениями, – и семья сосредоточила все свои надежды на третьем сыне, предназначая Иеронима с детства к роли великого врача. Наружность Савонаролы можно обрисовать следующими чертами: он был среднего роста, скорее низенький, чем высокий, но умел держать себя с достоинством, и все его движения и жесты были благородны и грациозны; он казался скорее полным, чем худощавым, хотя, всматриваясь в него, можно было заметить, что его маленькие руки костлявы и обтянуты одной кожей, что эта бледная, покрытая легким загаром на лице кожа говорит о малокровии, что его возвышенный и благородный лоб не по годам изрезан морщинами; лицо нельзя было назвать правильным и красивым, но оно привлекало своею выразительностью; большой, горбатый орлиный нос, крупные, плотно сжатые губы, выражавшие твердость характера, блестящие, синие с зеленым оттенком глаза, напоминавшие не то южное небо, не то южное море, красиво очерченные брови, густые, длинные ресницы и наконец мягкая, грустная улыбка, – все это невольно останавливало на нем внимание даже незнакомых людей.

Задавшись честолюбивыми планами для своего внука, Михаил Савонарола начал умело и толково посвящать ребенка в тайны естествознания чуть не с колыбели, преподавая ему в то же время грамматику и латинский язык. Ребенок оказался крайне восприимчивым и сообразительным, схватывая знания на лету. К несчастью, дед умер, когда мальчику шел всего десятый год. Тогда образованием ребенка занялся отец, преподавая ему философию как необходимый, по тогдашним понятиям, подготовительный предмет перед изучением естественных наук и медицины. Подробностей относительно посещения мальчиком школы и имен его учителей биографы Иеронима Савонаролы не знают. Известно только, что он удивлял всех своими способностями и умением диспутировать. Фома Аквинат и арабские толкователи Аристотеля увлекли юношу до такой степени, что он мог проводить целые часы в этом лабиринте,

разбираясь в не связанных между собою силлогизмах. Все глубже и глубже уходил он в науку, читал Библию, вникал в ее смысл, искал правды, серьезный, вдумчивый, отдыхая иногда от этой работы за рисованием, музыкою, писанием стихов.

Стремление к справедливости ежедневно сталкивалось с условиями окружавшей Савонаролу общественной жизни, и его чуткой впечатлительности противоречия представлялись на каждом шагу, начиная с мрачного замка с башнями и подъемными мостами, стоявшего среди города как укрепленный вражеский лагерь: в залах гремит музыка, сверкает драгоценное серебро и золото, звенит венецианский хрусталь, танцуют нарядные люди, а внизу в подземельях, за семью решетками, изнывают несчастные узники, совершаются страшные сцены пыток.

Чем беспутнее была окружающая жизнь, тем грустнее становился Иероним Савонарола. Он худел и бледнел, сторонился людей, был молчалив; раз посетив замок, он дал себе слово, что его ноги не будет более там, и, уходя в пустынные церкви, юноша с жаром повторял: “Heu fuge crudeles terras, fuge litus avarum!” (Увы, избегай жестоких стран, избегай берега скупых!)

Судьба готовила Савонароле еще одно разочарование, оказавшее влияние на его решение совершенно отрешиться от мира и его суеты. В соседстве с домом Савонаролы жил один флорентийский изгнанник из славной семьи Строцци. В лице этого изгнанника Савонарола увидел впервые нового человека, не похожего на окружавших его феррарцев, – страдальца за любовь к свободе, к отчизне. У Строцци была незаконнорожденная дочь. Савонарола влюбился в нее. В душе молодого человека зароились яркие надежды на лучшую долю, на личное счастье. Но чем светлее были эти надежды, чем обольстительнее были эти мечты, тем сильнее был нанесенный юноше удар. Гордые флорентийцы отвергли его предложение и оскорбили его, сказав, что “Строцци никогда не могут породниться с какими-нибудь Савонаролами”. Еще мрачнее стало настроение юноши, искавшего забвения в музыке и поэзии. В стихотворении “De ruina mundi” он подробно описывает свое душевное состояние: “Я вижу разрушенным весь мир, безнадежно попранными добродетели и добрые нравы; нигде нет живого света и существа, стыдящегося своих пороков... счастлив только тот, кто живет грабежом, кто питается кровью ближнего, кто обирает вдов и опекаемых им сирот и толкает в пропасть бедняков. Образованным и мудрым считается только тот, кто побеждает силой и коварством, пренебрегает Христом и Богом и вечно думает, как бы погубить ближнего... Но у меня есть

еще надежда, которая спасает меня от окончательного отчаяния: я знаю, что в другой жизни будет ясно тем, чья душа была благородна и высоко возносилась в своих порывах". В душе Савонаролы постепенно крепло религиозное чувство, в котором одном он находил теперь покой и утешение, и он горячо молил Бога: "О Господи, укажи мне путь, по которому я должен идти!"

В то время путь для спасения мог быть только один: бегство от света и мирских соблазнов. Надо было отказаться от веселья, пьянства, разврата, роскоши, от всего, что одними покупается ценою пота и крови угнетенных ближних и ради чего другие идут на всякие преступления, грабеж и убийства. На этот путь спасения теперь все толкало Иеронима Савонаролу – и любовь к Фоме Аквинату, и случайно услышанная в Фаенце проповедь августинского монаха, произведшего на него, по его собственному признанию, неизгладимое впечатление. Ему хотелось уйти в монастырь не для того, чтобы из светского аристократа превратиться в аристократа духовного, от Аристотеля в миру перейти к Аристотелю в монастыре, как это делалось тогда. Нет, его привлекали подвижничество и трудовая жизнь, он хотел сделаться последним слугою ближних, чернорабочим, шить монашеские рясы, копать землю в саду, прислуживать на кухне. Этим только можно искупить грех своего происхождения, своего положения в свете, своей прошедшей жизни за счет ближних.

Но осуществление этого намерения встречало большие преграды в собственном сердце Иеронима Савонаролы, нежно любившего и отца, и мать и сознававшего, что его удаление из дома тяжело отразится на его родителях. Он долго колебался, и его страшно мучил вопрос: что скажут отец и мать, – главное – мать? Вот она смотрит на любимого сына испытующим взором, точно спрашивает:

– Что ты задумал?

У него нет сил сознаться; он потупляет глаза перед нею, горячо любимой, обожаемой им. 23 апреля 1475 года вечером он играл на лютне, замечтавшись, забывши окружающее, перенесясь мыслью в тишину монастыря. Из-под его пальцев лились тихие, хватающие за сердце звуки.

– Сын мой, это значит: разлука? – послышался тихий, скорбный вопрос матери.

Он не смел поднять на нее глаз, а грустные звуки стали еще грустнее.

На следующий день в Ферраре было большое празднество. Все родные Иеронима Савонаролы были на пиру в герцогском замке. Только он, по обыкновению, уклонился от пира и пошел за

город, по дороге к Болонье. Вот монастырь ордена св. Доминика, к которому принадлежал и так почитаемый Савонаролою Фома Аквинат. Молодой человек постучался в него. Дверь отворили, и путник очутился за оградой.

На следующий день в ночной тишине монастырской кельи он взялся за перо и стал писать к отцу в Феррару: “Я не сомневаюсь, что вас глубоко огорчит мой отъезд, тем более что я ушел тайно. Но это письмо должно вам открыть состояние моей души и мои намерения, чтобы вы утешились и поняли, что я пришел к своему решению не по-детски, как, вероятно, подумают иные. Прежде всего прошу вас как человека, любящего справедливость и презирающего все ничтожное и преходящее, прислушайтесь более к голосу правды, чем к голосу страсти, которой подчиняются женщины, и рассудите на основании разума, прав ли я, покидая мир и исполняя свои предначертания? Что меня побудило вступить в монастырь – это страшное ничтожество света и испорченность людей: разврат, нарушения святости брака, обман, высокомерие, нечестие, проклятия и кощунства всех родов дошли в свете уже до того, что не находишь в нем более честных людей. Как часто вследствие этого я в слезах повторял: “Увы, избегай жестоких стран, избегай берега скупых!” Я не мог выносить злобу ослепленных народов Италии, где угасли все добродетели и торжествует порок. Этот свет мог мне дать только глубочайшую скорбь. Поэтому ежедневно я просил Господа Иисуса Христа, чтобы он избавил меня от этой грязи, и неустанно воссылал искренним сердцем кроткую молитву Богу: укажи мне путь, по которому я должен идти, так как к тебе устремляется душа моя. И Господь в бесконечной благости своей услышал меня и сжалился надо мною, хотя я и не стою этой великой милости. Ответьте же мне: разве не хорошо и не справедливо, когда человек бежит от низости и испорченности ничтожного света, чтобы жить как разумному существу, а не как животному среди свиней? И не было ли бы великой неблагодарностью с моей стороны сперва молить Бога об указании мне настоящего пути, по которому я должен идти, а потом, когда он в своем милосердии указал мне на этот путь, не следовать по нему? О Господь и Бог мой, лучше мне тысячу раз умереть, чем быть неблагодарным перед Тобою! Потому, любимый мой отец, вы должны не печалиться, а скорее благодарить Господа Иисуса за то, что он дал вам сына и не только сохранил его таким до двадцатидвухлетнего возраста, но еще и оказал ему милосердие, сделав его воинствующим рыцарем. Или вы не считаете за великую милость того, что ваш сын делается воином Христовым? Говоря короче: или вы любите меня, или – я знаю, что вы не скажете этого, – вы не любите меня.

Если же вы любите меня, то что вам дороже во мне: тело или душа? Вы не можете ответить “тело”, так как вы не любили бы меня, любя во мне худшую из частей человека. Если же вы любите душу, то почему же вы не ищете спасения этой души? Вы должны торжествовать и радоваться этой победе. Я хорошо знаю, что без некоторой боли тела не обойдется, но тело нужно обуздывать разумом, особенно такому умному и сердечному человеку, как вы. Вы поверите, что мне стоила разлука с вами горячих слез? Надеюсь, да. Никогда еще с моего рождения я не испытывал большей скорби, более глубокого горя, чем теперь, когда я расстался со своею семьею и пошел к неизвестным людям, чтобы принести в жертву Иисусу Христу свое тело и отдать свою свободную волю в руки людям, которых я никогда еще не видал. Но когда я думаю о том, что меня призывает Бог и что Он сам не пренебрег явиться слугою среди нас, червяков, – я понимаю, что у меня недостало бы духу не последовать на его кроткий и святой призыв, говорящий нам: “Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас, возьмите бремя мое на себя...” Я знаю, что вы жалуетесь на меня за то, что я ушел так тайно и как бы бежал от вас; но поймите, что мои скорбь и горе, при мысли о разлуке с вами, были так велики, что я был уверен в одном – расскажи я вам свои намерения, и во мне прежде бы разорвалось сердце, чем я решился бы оставить вас, и новый оборот мысли помешал бы осуществлению моего плана. Потому не удивляйтесь, что я молчал. Впрочем, на окне за книгами я оставил несколько листков, из которых вы узнаете мое душевное состояние. Итак, прошу вас, дорогой отец, не жалуйтесь более на судьбу и не причиняйте мне еще более печали и горя, которых у меня и так много; я не раскаиваюсь в своем поступке, и я бы поступил так же, если бы даже знал, что меня ждет участь выше участи Цезаря, но ведь и я плотский человек, как и вы, и чувства ведут и во мне борьбу против разума. Это заставляет меня бороться всеми силами, чтобы дьявол не оседлал меня, особенно, когда я слышу ваше сетование. Эти дни, когда страдания еще свежи, пройдут скоро, и потом, я надеюсь, мы оба утешимся в этом мире милосердием Божиим, в том – славою. В заключение возлагаю на вас как на мужчину утешить мою мать, которую, как и вас, я прошу о благословении и о спасении души которой я горячо молюсь. Ваш сын Иероним Савонарола”.

В монашеской келье Савонарола искал мир, спокойствие и отречение от света. “Если бы я даже знал, что меня ждет участь выше участи Цезаря, я поступил бы так же”, – говорит Савонарола в приведенном письме, и, конечно, он не предчувствовал, что и в одежде простого доминиканского монаха его ждет полная

деятельности и волнений жизнь, ждет светская бессмертная слава.

Глава III

Деятельность Савонаролы в Болонском монастыре Сан-Доминико. – Первое путешествие во Флоренцию. – Неудачное проповедничество в этом городе. – Успех проповеди в Сан-Джемениано и в Брешии. – Собрание в Реджио. – Джиованни Пика. – Возвращение во Флоренцию. – Религиозные и нравственные взгляды Савонаролы. – Отношение к нему Лоренцо Медичи. – Смерть Лоренцо и его исповедь у Савонаролы. – Удаление из Флоренции

В Болонском монастыре Сан-Доминико, среди тихих келий и пустынных монастырских галерей и переходов, провел Савонарола семь лет в молитвах и покаянии, учась и обучая в то же время новичков по приказанию настоятеля. Он принялся за дело обучения молодых монахов не ради одного обязательного для монаха послушания: познакомившись ближе с положением современной ему католической церкви, он увидел все ее страшные недостатки, и в нем проснулось страстное желание обновить ее, подготовить ей лучших служителей. В первый же год своего пребывания в монастыре он написал страстное стихотворение о падении церкви, где горячо спрашивает: “Где же старые учители и старые святые, где ученость, христианская любовь, чистота минувших времен?” Эти алмазы, эти горящие светильники, эти сапфиры, как он иносказательно называет их, не существовали более. В Рим проникло гордое честолюбие и загрязнило все так, что приходилось только бежать от него куда-нибудь в пустынную келью, кончая в ней жизнь в скорби и слезах. Несмотря на иносказательную, несколько вычурную форму, это стихотворение проникнуто искреннею горечью, и из него уже можно было понять, что молодой монах не ограничится одним постом и молитвою, прислуживаньем на кухне и копаньем гряд. Его идеалы выше этого идеала. Недаром же он в том же стихотворении взывал к Богу, чтобы Тот дал ему силу “сложить эти мощные крылья – крылья испорченности, крылья гордой вавилонской блудницы”. Не ограничиваясь данным Савонароле поручением обучать новичков, настоятель монастыря возложил на молодого монаха и обязанности проповедника. Савонарола с жаром взялся и за это дело; оно было ему по душе при его тогдашнем настроении. Но на первых же порах он уклонился от обычного приема ученых проповедников того времени, от бесконечных софизмов схоластики, от постоянной возни с Аристотелем и все более и более стал руководствоваться Библией, которая потом и сделалась его неизменной спутницей

жизни, его книгою книг. Тем не менее его проповеди не имели особенного успеха, и, может быть, это нужно приписать главным образом тому, что он не поражал внешностью, был слишком истощен постничеством, являлся до крайности слабым, не мог даже громко говорить. Его проповедничество в Болонье в эту пору прошло так незаметно, что о нем не упомянул ни один из писателей того времени. Даже в его родной Ферраре, где им могли интересоваться люди как земляком и куда он был послан в 1482 году, его проповедь осталась совершенно бесследной.

Именно в это время совершилось событие, долженствовавшее изменить коренным образом всю жизнь Савонаролы.

В Ферраре началась война, и Савонароле пришлось снова проститься с родным городом. Его послали во Флоренцию. Совершая путь в этот город, молодой монах мог близко познакомиться с тем, что делалось тогда в Италии. Война, начавшаяся в Ферраре, охватила весь полуостров, и все знали, какую гнусную роль играет в этой братоубийственной резне папа Сикст IV, все знали, какие корыстные цели руководят этим старцем. На Савонаролу пахнуло той страшной действительностью, той беспощадно бьющей в глаза правдой жизни, которая превосходила самые страшные отвлеченные рассуждения о “ruina mundi”[2].

Обедневшие города, разоренные области составляли совершенную противоположность богатой, спокойной и нарядной Флоренции, сделавшейся умственным центром того времени. Величавый монастырь Сан-Марко, где поселился Савонарола, был построен за сорок лет до прибытия во Флоренцию Савонаролы; прежде здесь жили крайне распущенные даже для того времени монахи; заботами Козимо Медичи они были выселены, и на их место вступили в новое здание реформированные доминиканцы. При монастыре была одна из лучших по манускриптам библиотека, которая, согласно воле завещавшего ее монастырю Никколо Никколи, явилась первой публичной библиотекой в Италии. Сюда стекались ради библиотеки ученейшие люди из монахов и мирян. В отношении искусства монастырь тоже славился, так как его стены были расписаны кистью Джиовани да Фиезоле, известного под именем Беато Анджелико (1387 – 1455). Еще больше прославился монастырь деятельностью его учредителя Сан-Антонино, одного из неутомимейших благодетелей бедноты и последователей евангельской любви к ближним. У всех еще была в памяти самоотверженная деятельность этого изумительно доброго и безупречного человека во время флорентийских чумы и голода в 1448 году. Вступив в монастырь Сан-Марко, Савонарола был сразу охвачен рассказами

о широкой и благотворной деятельности Сан-Антонино и везде находил ее следы в виде различных приютов, братств, госпиталей. Образ этого человека, проходящего по опустошенному чумой и голодом городу с лошадью, навьюченною хлебом, одеждами и массой других вещей для страдальцев-бедняков, восставал, как живой, в воображении Савонаролы. И как величественна, как привлекательна была сама Флоренция с ее чудной природой, с ее сокровищами искусства! Недаром же ею управлял в то время великолепный Лоренцо Медичи, находившийся тогда наверху славы и силы. Флоренция, эта "монархическая республика", как выражается один историк, была в средние века итальянским городом по преимуществу. Уже в XV веке она была нравственно столицей Италии, и тосканское наречие стало литературным языком всей страны. Флорентийская республика превращается в сущности в монархию еще при Козимо Медичи, этом либеральном банкире, который распоряжается войной и миром во всей Италии, дает взаймы Франциску Сфорце денег, чтобы тот мог завоевать Милан и герцогскую корону после Висконти; защищает этого узурпатора против Венеции и короля арагонского, находя союзника себе в лице французского короля Карла VII; добывает во время голода хлеб у того же французского короля, облегчая положение страны. Немудрено, что страстная и увлекающаяся "дочь Рима", как называли старые историки Флоренцию, приписывает все процветание города, все успехи искусств именно Козимо Медичи и сама поступается своей свободой, осыпаемая благодеяниями своего либерального "отца отечества", а при его внуке Лоренцо уже совершенно пьянеет среди бессменных пиров, спектаклей, маскарадов, празднеств, народных увеселений, не слыша голосов политических партий под звуки canti carnavaleschi и canzoni a ballo – карнавальских песен и бальных канцон. Сам Лоренцо проводит свободное от пиров и государственных дел время среди поэтов, художников и философов из платоновской академии, где создается модная "платоновская теология". Под всем этим ослепительным блеском скрывались безысходные сомнения, полное безверие. И вечная холодно-насмешливая улыбка была на лицах флорентийцев, знавших и греческий, и латинский языки, и Платона, и Аристотеля и гордившихся тем, что даже флорентийские женщины отличаются разносторонней ученостью, не уступающей учености мужчин. Немного дней нужно было прожить Савонароле среди флорентийцев, чтобы на него пахнуло холодом от этих рабов внешности и душевной пустоты. И как смешон показался им этот появившийся на кафедре в церкви Сан-Лоренцо тщедушный проповедник с его едва слышным сиповатым

голосом, с его неуклюжими манерами, с его провинциальным наречием, с его порой грубыми и чисто народными выражениями! Он решился нападать с кафедры на пороки и маловерие светских и духовных лиц, презрительно относился к вылощенным поэтам и философам, порицал фанатическое поклонение перед древними классиками и цитировал только одну книгу – Библию, советуя всем читать ее, тогда как все они знали, что библейская латынь была небезупречна и что подобное чтение могло только попортить их стиль! Так, в 1483 году у Савонаролы бывало в церкви не более двух-трех десятков слушателей, тогда как у фра Мариано да Дженнаццано, любимца Лоренцо Медичи, церковь не могла вместить всех слушателей. Дженнаццано, изысканный по слогу и изящный по манерам, был в моде, и ходить слушать его было таким же важным делом, как восторженно восхищаться подвигами Сан-Антонино, как горячо толковать и спорить о платоновской теологии, как щедро покровительствовать раболепствовавшей перед богачами литературе и искусствам, тогда как в душе всех этих разбогатевших, холодных и издевавшихся над всем лавочников и ростовщиков был один кумир – золото и одно наслаждение – распутство. Даже близкие и уже увлекавшиеся смыслом проповедей Савонаролы люди сознавали причины его неуспеха и говорили ему с грустью о том, что он должен бы поучиться у Дженнаццано умению красивых фраз и грациозных телодвижений. Одни эти ослиные сожаления о незнакомстве соловья с петухом могли свести на нет всякую энергию в другом человеке, но Савонарола верил теперь в свое призвание до того, что у него уже начались видения, ободрявшие его идти избранным путем. “Церковь должна быть обуздана, потом обновлена, и это должно совершиться скоро”, – вот лозунг, во имя которого шел он на свой подвиг.

В 1484 и 1485 годах ему приказано было проповедовать в маленьком городке Сан-Джеминиано, в сиенских горах, и здесь он увидел, что его могут понять люди, еще близкие к природе и еще не испорченные утонченным внешним образованием. Здесь слушатели стекались толпами в церковь послушать сурового проповедника, и под сводами храма то тут, то там слышались тяжкие вздохи и сдержанные рыдания. Этот успех придал ему бодрости. Укрепившись здоровьем среди сиенских гор, полный энергии, воспламеняемый верой в свое призвание, он является в 1486 году в Бресчии, и тут его проповеди на темы Апокалипсиса звучат уже пламенно и повелительно, а голос начинает греметь, как гром. Он грозит народу наказанием за грехи, пророчествует об ужасах, ожидающих на земле порочных людей, и призывает всех к покаянию и исправлению. Слушателей охватывал ужас, и в

городе все только и говорили, что о новом проповеднике. Это решило участь Савонаролы: его имя пронеслось по Италии, и он с этой поры уже окончательно не сомневался в своих силах. “Для него засиял новый свет”, – как он говорил сам. В январе 1490 года он уже сообщает в одном из своих прекрасных писем к обожаемой матери: “Я отказался от этого мира и в различных местах возделываю вертоград Господа, чтобы спасти не только свою душу, но и души других. Если Бог послал мне свои дары, то я должен применять их по воле его к делу. И так как Он призвал меня к этому священному служению, то простите мне, если я исполняю свой долг вне отечества, сознавая, что принесу больше добра в другом месте, чем в Ферраре. Там со мной случилось бы то же, что с Христом, когда Его земляки говорили про Него: “не плотник ли это и не сын ли он плотника?” Но вне моей родины обо мне не говорят так, а, напротив того, мужчины и женщины плачут, когда я ухожу, и высоко ценят мои слова”.

В то же время на его долю выпал, совершенно случайно, еще более шумный и решающий его участь успех: в Реджио собрался капитул доминиканцев для обсуждения спорных вопросов теологии и некоторых пунктов дисциплины. В собрании присутствовал и Савонарола. Среди большого числа духовных лиц были и светские ученые, и писатели, между которыми обращал на себя особенное внимание богатый и красивый юноша, двадцатитрехлетний Джиованни Пико, князь делла Мирандола, “феникс среди умов”, как называли его тогда люди, прославляя его первым человеком во всей Италии после Лоренцо Медичи. Пико страстно увлекался всем прекрасным, добрым и честным и был одним из редких счастливцев, которые совершенно не знают чувства зависти и страсти интриговать. Савонарола, сидя в собрании, не вмешивался в схоластические споры, но, когда дело коснулось дисциплины, он горячо заговорил, и его голос грянул громом против испорченности духовенства. Он не мог сам сдержать своего порыва и произвел потрясающее впечатление на своих высокопоставленных слушателей, особенно же на юного восторженного Пико, который с этой минуты сделался его лучшим другом и страстным поклонником. Он начал со свойственным ему искренним увлечением провозглашать по всей Италии о новом подвижнике и уговорил Лоренцо Медичи вернуть проповедника обратно в монастырь Сан-Марко.

Приглашение, призывавшее Савонаролу снова во Флоренцию после трех лет, проведенных им в других итальянских городах, застало его в Генуе; послушный распоряжению своего монастырского настоятеля, монах вернулся во Флоренцию, принялся за обучение в монастыре Сан-Марко молодых монахов,

уклоняясь от проповедничества. Но Савонарола был уже известен всему городу благодаря восторженным отзывам Пико, блестящего представителя лучшей части флорентийской золотой молодежи. В монастырь начинают стекаться светские слушатели, и Савонароле приходится выйти из поставленных им себе скромных рамок наставника монастырских послушников и монахов, он приступает к объяснению Апокалипсиса; весть об этих беседах быстро распространяется, с каждым днем увеличивая число слушателей; вскоре монастырский двор становится тесен, и сами обстоятельства вынуждают Савонаролу перейти в церковь и продолжать свои поучения с кафедры. Перемена места усилила значение прежних поучений, придавая им авторитет проповеди.

Густая толпа любопытствующих наполнила церковь Сан-Марко 1 августа 1490 года. Савонарола поднялся на кафедру и начал проповедь о необходимости обновления церкви и близкой гибели нераскаявшихся грешников. Смелость речи, мощный голос, истинное воодушевление и громкая слава проповедника разом сделали свое дело: успех проповеди был громадный, и с каждым днем число жаждущих услышать Савонаролу стало увеличиваться. Он, чтобы показать смотревшим на него свысока ученым, что он не чужд и философского образования, издал в это время несколько философских сочинений и тут же выпустил в свет ряд произведений религиозно-нравственного характера. Философия Савонаролы, несмотря на многие своеобразные его взгляды, была, может быть, не ниже, но во всяком случае и не настолько выше того, что писалось другими философами того времени, чтобы оставить по себе заметный след в истории философии. Для нашего времени все эти колебания между Аристотелем, Платоном и Фомой Аквинатом с тщетными попытками смело выйти из заколдованного круга не имеют уже ровно никакого значения. Напротив того, религиозно-нравственные сочинения Савонаролы, вполне рисующие этого человека, не отделявшего слова от дела, были крайне интересны и подкупали сердца. “Смирение и христианская любовь, – писал он, – это две добродетели, составляющие два крайние конца духовного здания. Смирение есть основание, на котором зиждется вся постройка, а христианская, любовь заканчивает и венчает ее. Потому верующий должен смиряться перед Богом и сознавать, что он сам по себе не может делать доброе и что без помощи Божией его дела были бы одними грехами. Недостаточно, чтобы в этой истине был убежден один разум, она должна быть в то же время глубоким сознанием души. Воля человека свободна. Потому человек должен всею силою стараться истребить в себе гордость и приготовиться принять благодать; для этого внешние

дела не только полезны, но и необходимы. Итак, да смирится верующий перед высшими и равными ему, да смирится он также и перед низшими. Если же он, достигнув этого, будет думать, что он сделал нечто великое, то его внешнее смирение явится только ко вреду внутреннего и потеряет всякую цену. Пусть же он будет твердо убежден в своем ничтожестве".

Вообще Савонарола, как человек великой искренности, не допускал лицемерия и понимал, что это худший из грехов. К правде, как говорит он сам, он стремился всегда изо всех своих сил и неустанно желал приобщить к ней людей; ложь, которую он ненавидел, вызывала его всегда на борьбу. Чем больше труда требовало это дело, тем больше росло желание послужить ему, хотя бы поплатившись за это жизнью. Правдивость он считает не законной, а нравственной обязанностью, "это долг чести человека относительно подобных ему людей. Высказывать правду – значит исполнять долг справедливости".

Конечною целью человека Савонарола считает блаженство. "Но только Бог блажен сам по себе; человеку для этого нужно сделать много усилий; они состоят в добрых делах, которые называются заслугами, так как блаженство есть награда за добродетельные действия". Он считает могучим рычагом любовь, "потому что любовь делает все, движет всем, пересиливает и побеждает все. Ничто не создается без любви. А так как христианская любовь есть величайшая среди других родов любви, то она и создает великое и чудесное. Она исполняет легко и кротко весь божественный закон, так как она есть мерило и путеводная нить для всех мер и законов. Каждый отдельный закон есть мерка и правило для известного, определенного действия и ни для какого другого: не такова христианская любовь, так как она мерило и путеводная нить для всех человеческих поступков. Потому, кто обладает этим законом христианской любви, тот может хорошо управлять собою и другими и следовать правильно всем законам. Это ясно видно на тех духовных пастырях, которые берут за путеводную нить только то, что находят в канонических законах; это специальные законы, и потому они без христианской любви, являющейся общей меркой и общим законом, никогда не могут быть хорошей путеводной нитью".

Савонарола подкрепляет свои мысли целым рядом выхваченных из жизни примеров. "Вот врач, с любовью и самоотречением приступающий к ложу больного: если он хорошо и с любовью исследовал и познал все – никто не может сделать более чем он. Ты увидишь, как любовь поможет ему и даст должную мерку и закон для всех правил и законов медицины. Он

подвергнет себя тысячам усилий, не обращая внимания на труд; он расспросит все, пропишет лекарство и проследит сам за его действием; он не отступит от постели больного. Если он бежит за наживой – его мало заботит больной, и сама наука изменяет ему. Взгляни сюда, что может сделать любовь. Посмотри на мать и ее дитя. Кто вдруг научил эту молодую женщину, не имевшую прежде детей, воспитывать дитя? Любовь. Какие труды выносит она днем и ночью, ухаживая за ним, и как все кажется ей легко! Какая этому причина? Любовь. Как милует и целует она свое дитя; сколько ласковых и нежных слов находит она для него. Кто научил ее этому? Любовь. Взгляните на Иисуса Христа, который сделался ради нас беспомощным ребенком, и во всем, – в перенесении голода, жажды, холода, жара и недугов, – сравнялся с детьми человека. Что побудило Его к этому? Любовь. Он имел общение то с праведниками, то мытарями и вел такую жизнь, что все, мужчины и женщины, малые и большие, богатые и бедные, каждый по-своему и в своем роде могут подражать ему и этим достигнуть блаженства. И что же заставило его вести такую простую, такую бедную жизнь? Без сомнения, любовь. Любовь привязала его к столбу, любовь привела ко кресту, любовь воскресила из мертвых...”

“Мы всегда можем вообще делать добрые дела, так как нам дана свободная воля. Если что нас отличает от животных, так это свободная веля. Наша воля не может быть пагубным образом направляема ни звездами, ни нашими страстями, ни даже самим Богом. Творец поддерживает, а не разрушает; Он направляет все создания и все вещи по законам их природы. Наша воля по своему существу и по своей природе свободна; она есть сама свобода. Значит, Бог не может ее вести иначе, как в полной свободе, если Он не желает ее разрушить”.

Почти все, что высказал Савонарола по части нравственно-религиозных взглядов, шло вразрез с тогдашними понятиями, господствовавшими во Флоренции. Недаром же он с горькой иронией говорил о флорентийцах: “Священное писание перед этим полным ума образованием, конечно, детски наивно; вера является не более как делом монахов и чувствительных женщин; оскверняя все невинное и святое, вы и Пресвятую Мадонну рисуете в образе модницы”. Ввиду падения нравов, веры, церкви, он, с одной стороны, уже не мог провести дня без проповеди, а проповедовать для него равнялось теперь призыву к преобразованиям, к покаянию, к обновлению, и рядом с этим шли угрозы, что мир должен рушиться, если не обновятся люди. Его слушали с возрастающим вниманием, с тревогой, с рыданиями. Начинало твориться нечто новое для ликующей Флоренции.

Церковь Сан-Марко была уже мала для желающих слушать Савонаролу, и в пост 1491 года его проповедь раздалась в соборной церкви Санта-Мария дель Фиоре.

Правителю Флоренции, Лоренцо Медичи, были не по вкусу пророчества Савонаролы о предстоящих несчастиях, которыми он потрясал умы. Однажды его посетили пятеро знатных флорентийских граждан и осторожно заметили ему, что он должен быть умереннее в своих речах, так как они могут причинить неприятности государству и монастырю.

– Вы пришли не сами по себе! – горячо перебил их Савонарола. – Вас прислал Лоренцо. Скажите же ему, чтобы он приготовился к покаянию за свои грехи, так как Бог не щадит никого и не боится князей земли... Я не боюсь высылки из Флоренции, – продолжал Савонарола в ответ на предостережение о возможности такой высылки, – так как ваш город чечевичное зерно в сравнении с землей. Но хотя я здесь пришелец, а Лоренцо флорентийский гражданин, – покинуть первым этот город придется не мне, а ему.

И он с увлечением высказал свои взгляды на общественные дела перед гражданами, которых удивило серьезное знание и тонкое понимание Савонаролой политических событий. Тут же он прибавил, что и папа, и Лоренцо, и неаполитанский король стоят одной ногой в могиле. Их смерть должна быть началом чреватого событиями времени.

В церкви продолжалась по-прежнему грозная проповедь. Савонарола клеймил высшее духовенство и светских правителей, признавая, что именно они-то и являются развратителями итальянского народа. Они должны были служить примером для низших, а между тем сами были предателями, убийцами и развратниками. Лоренцо Медичи, несмотря на весь свой ум, несмотря на покровительство наукам и искусствам, был одним из таких правителей, и Савонарола видел в нем общественного врага, с которым никогда не могла примириться его душа. Лоренцо, тревожно прислушиваясь к речам сурового обличителя пороков, попробовал милостями задобрить Савонаролу и дозволил монахам выбрать последнего в приоры монастыря. Обыкновенно в этих случаях приоры ходили благодарить Лоренцо. Савонарола не пошел и сказал:

– Я благодарю за избрание Бога и буду послушен Его воле.

Лоренцо жаловался окружающим:

– Смотрите, я допустил в мой дом иноземца, и он не оказал мне даже чести своим посещением.

Стараясь, однако, быть сдержанным, Лоренцо стал часто посещать монастырь Сан-Марко и иногда долго бродил по саду,

ожидая появления Савонаролы. Но тот не прерывал своих работ. Близкие люди осторожно замечали приору:

– Лоренцо ходит у нас по саду.

– Он звал меня? – спрашивал Савонарола.

– Нет.

– Ну, так пусть гуляет...

Лоренцо попробовал положить в монастырскую кружку несколько золотых монет. При осмотре кружки настоятель отобрал золото от мелких монет и сказал:

– Для монастырских нужд довольно серебра и меди, а золото отдайте попечителям бедных, пусть раздадут городским нищим.

На следующий день в проповеди он заметил:

– Хороший пес лает, защищая дом своего хозяина, и если разбойник бросает ему кость, он ее отодвигает в сторону и не перестает лаять.

Лоренцо, однако, сделал еще один опыт, не решаясь прибегнуть к решительным мерам. По его приказанию францисканский монах Мариано Дженнаццано произнес против пророчеств Савонаролы проповедь на текст “Не знаем ни времени, ни часа”. Проповедь была похожа на донос, на клевету и скорее возмутила слушателей, чем убедила их. Савонарола, в свою очередь, сказал ответную проповедь. “Нет, я не пророк, не сын пророка, – говорил он, – я не ищу этого страшного имени; но события, которые я возвещаю, произойдут, потому что я опираюсь на христианское учение и на дух милосердия. Поистине, ваши грехи, грехи Италии силою делают меня пророком и должны бы были сделать такими же пророками каждого из вас. Ты не хочешь, чтобы я пророчествовал, Мариано? О, все полно, полно пророчеств; Святой Завет полон их; настоящие времена полны их; ты сам здесь, Мариано, являешься знамением их”. Пико, находившийся в церкви, говорит, что он чувствовал, как у него поднимаются волосы на голове. Савонарола проповедовал: “Я вижу прелатов, не заботящихся о своей духовной пастве, но развращающих ее своими дурными примерами. Священники разбрасывают достояние церкви; проповедники проповедуют пустое тщеславие; служители религии отдаются всяким излишествам; верные не повинуются более прелатам; отцы и матери дурно воспитывают детей; князья давят народы, разжигая страсти; граждане и купцы думают только о наживе, женщины – о пустяках, крестьяне – о краже, солдаты – о богохульствах и всяких преступлениях. Я хотел бы молчать, но я не могу; слово Божие в моем сердце горит неугасимым огнем; если я не уступлю ему, оно сожжет мозг костей моих. Князья Италии посланы ей в наказание. Их дворцы – убежище диких зверей и земных чудовищ, то есть

негодяев и развратников, потакающих их развращенным желаниям и их дурным страстям. Там злые советники, изобретающие без конца новые налоги, высасывая кровь из бедных; придворные философы и поэты, рассказывающие тысячи сказок, чтобы довести до богов генеалогию своих владык; там, что еще хуже, духовные лица следуют тем же заблуждениям... Это действительно Вавилон, братия, город безумцев и злодеев, который хочет разрушить Господь. Ступайте в Рим! Вместо христианства там прелаты отдаются поэзии и красноречию. В их руках вы найдете творения Горация, Виргилия или Цицерона; из этих книг они учатся управлять душами. Они изучают тайну управления церковью по созерцанию звезд, а не по размышлению о Боге. С внешней стороны она прекрасна, эта церковь их, с ее украшениями и позолотою, с блестящими церемониями, роскошными облачениями, с золотыми и серебряными светильниками, с богатыми дароносицами, с золотыми митрами с драгоценными каменьями... но в первоначальной церкви дароносицы были деревянные, а прелаты были золотые. Это праздники ада празднуют теперь наши прелаты; они не верят более в Бога и издеваются над его таинствами... Что ты делаешь, о Господи? Приди освободить свою церковь из рук демонов, тиранов и злых пастырей! Разве Ты забыл свою церковь? Разве Ты перестал ее любить? Поспеши с наказанием, чтобы она поскорее возвратилась к Тебе! О Рим, готовься, твоя казнь будет ужасна! Ты будешь опоясан железом, ты пройдешь сквозь мечи, огонь и пламя. Бедные народы, я вижу вас удрученными невзгодами! Италия, ты больна тяжким недугом, и ты, Рим, ты болен, болен смертельною болезнью. Если ты хочешь исцелиться, откажись от своей ежедневной духовной пищи, от своей гордости, от своего честолюбия, от своей расточительности, от своей алчности. Но Италия смеется, она отказывается от лекарства и говорит, что ее врач заблуждается. О неверующие, не желающие ни слушать, ни обратиться на путь истинный! Господь говорит вам: так как Италия полна людей крови, куртизанок, сводников и негодяев, то я наведу на нее худшего из врагов; я низвергну ее князей и подавлю гордыню Рима. Этот враг переступит порог в ее святая святых и загрязнит ее церкви. Рим сделался жилищем блудниц – я превращу его в обиталище лошадей и свиней. Когда настанут ужас и смятения, тогда захотят грешники обратиться на путь истинный, но они уже не смогут сделать этого. О Италия, казни пойдут за казнями: бич войны сменится бичом голода; бич чумы дополнится бичом войны; казни будут и тут, и там... У вас не хватит живых, чтобы хоронить мертвых; их будет столько в домах, что могильщики пойдут по улицам и станут кричать: “У кого есть

мертвецы?" и будут наваливать на телеги до самых лошадей, и целыми горами, сложив их, начнут их сжигать. Они пойдут по улицам, крича: "У кого есть мертвецы? у кого есть мертвецы?", а вы выйдете, говоря: "Вот мой сын, вот мой брат, вот мой муж!" И пойдут они далее, крича: "Нет ли еще мертвецов?" О Флоренция! о Рим! о Италия! прошло время песен и праздников. Покайтесь! Господи, Ты свидетель, что я с братьями моими старался поддерживать словом своим эту падающую руину; но я не могу больше, силы мне изменяют. Я не хочу более, я не знаю, что еще говорить об этом. Мне остается только плакать и изойти слезами на этой кафедре. Милосердия, милосердия, Господи! Минута настала. Идет муж, который завоюет всю Италию в несколько недель, не вынимая из ножен меча. Он перейдет через горы, как некогда Кир. Haec ducit Dominus Christo meo Cyro, и утесы, и крепости падут перед ним".

Савонарола уже предвидел зорким умом приближавшееся нашествие на Италию французов, может быть, содрогался при мысли, что придут не они, а испанцы, немцы, турки: раздробленная, раздираемая на части внутренними врагами Италия была похожа на добычу, брошенную псам.

Для Лоренцо между тем близился всегдашний конец развратников и гуляк – тяжкие болезни и суеверный страх перед загробной жизнью. Перед его расстроенным воображением вставали ужасы прошлого, грязь окружавших его клевретов, их рабское низкопоклонство. Он думал об отпущении грехов. Но кто отпустит ему его грехи? Не один ли из тех священнослужителей, которые сами утопали в разврате и которые не смели никогда ни единым словом противоречить своему повелителю? Что будет значить отпущение грехов подобными людьми? И в его воображении, помимо его воли, восставал один светлый образ сурового обличителя грехов и в то же время кроткого друга всех, кто искал у него совета, помощи, любви. Это был образ Савонаролы. Он неотступно преследовал его во время тяжкой болезни. Все, а в том числе и Лоренцо, знали, как добр, мягок и нежен этот проповедник по отношению к людям. Недаром же он говорил: "Мы не должны осуждать грешника, но скорее обязаны оплакивать его грехи и иметь сострадание к нему, потому что, покуда есть свободная воля и милосердие Божие, он всегда еще может обратиться к Богу и исправиться". Да, это единственный монах, к которому можно обратиться с исповедью, не кощунствуя, не превращая святого таинства в жалкое шутовство. И вот, по воле Лоренцо, Савонарола появляется у смертного одра того, кого он обвинял прежде всего за нравственное падение Флоренции, – появляется с видом искреннего участия к страдальцу. Лоренцо

кается перед ним в трех грехах: в бесчеловечном разграблении Вольтерры, где не только грабили богатства, но и позорили женщин, в разбойническом похищении денег из сберегательной кассы девушек, Monte difanciulli, причем многие из ограбленных девушек погибли потом нравственно, и в пролитии крови ни в чем неповинных людей после заговора Пацци, члена ограбленной самим Лоренцо семьи. Лоренцо волнуется во время исповеди, а Савонарола успокаивает его:

– Бог добр, Бог милосерд! Лоренцо кончил исповедь.

– Но нужно исполнить три условия для отпущения грехов, – говорит Савонарола.

– Какие, отче? – спрашивает Лоренцо.

– Первое, – поясняет с глубокой серьезностью духовник, поднимая вверх правую руку, – ты должен иметь твердую живую веру в милосердие Бога.

– Эта вера живет во мне, – шепчет Лоренцо.

– Второе, – продолжает монах, – ты должен возвратить все несправедливо взятое тобою или приказать сделать это своему сыну.

Лоренцо удивляется такому неожиданному требованию, но подавляет неудовольствие и кивает в знак согласия головой. Тогда духовник поднялся во весь рост и точно вырос перед съежившимся от ужаса Лоренцо.

– Последнее же, – произнес Савонарола, – ты должен возвратить Флоренции свободу.

Его лицо было полно торжественности, его голос был могуч, его глаза устремились прямо в лицо Лоренцо, в ожидании ответа.

Лоренцо собрал все силы и быстро повернулся спиною к духовнику. Духовник вышел, не причастив больного, и тот умер, мучимый страшными терзаниями совести.

Это было 8 апреля 1492 года.

Следом за Лоренцо умер 25 апреля 1492 года и папа Иннокентий VIII. На место этих людей во Флоренции вступил в управление Петр Медичи, а в Риме был избран папою Александр VI Борджиа.

Немудрено, что Савонарола, а за ним и народ видели в этих событиях начало исполнения предсказаний о приближении великих перемен. Савонарола даже видел вещий сон, или видения: руку на небе, вооруженную мечом, с надписью: “Gladius Dei super terram cito et velociter” – “Скоро и быстро опустится на землю меч Божий”. Он услыхал ясно многие голоса, обещавшие добрым милосердие, а злым наказание и возглашавшие о близости гнева Божия. Меч быстро опустился на землю, в воздухе потемнело, посыпались мечи, стрелы и огонь, раздались

страшные раскаты грома, и вся земля опустошилась войной, голодом, заразой. Неудивительно, что этого человека Петр Медичи, при своем вступлении на престол, постарался, при помощи римских или миланских высших духовных лиц, удалить на время из Флоренции. Уже в апреле Савонарола появился проповедовать в Пизе, а затем в 1493 году в великий пост мы его застаем в Болонье, где произошло одно событие, характеризующее Савонаролу. Жена сурового болонского правителя Бентиволлио взяла за обыкновение приходить ежедневно в церковь для слушания проповедей Савонаролы. Но, сопровождаемая свитой придворных дам, кавалеров и пажей, она приходила всегда в половине проповеди и прерывала ее своим шумным появлением. Савонарола, видя нарушение благочестия слушателей, не выдержал и воскликнул однажды, увидав входящую Бентиволлио с ее свитою:

– Вот, вот диавол идет нарушать слово Божие!

Бентиволлио охватило такое бешенство, что она тотчас же отдала приказание двум слугам убить Савонаролу на кафедре. Но у слуг в решительную минуту не хватило мужества исполнить этот приказ. Тогда она, возмущенная неслыханной обидой, нанесенной ей ничтожным монахом, послала к нему в келью двух своих телохранителей с приказанием нанести ему какое-нибудь тяжелое оскорбление. Савонарола принял их с такою твердостью и заговорил с ними таким властным тоном, что они ушли в полном смущении. Затем, прощаясь в церкви с народом, он сказал с кафедры:

– Сегодня вечером я направлю мои стопы во Флоренцию со своим посохом и деревянною флягою и ночью остановлюсь в Пианцаро. Если кто желает чего-нибудь от меня, пусть придет ко мне прежде моего ухода. Но знайте, что моей смерти не отпразднуют в Болонье.

Глава IV

Карл VIII французский. – Пиза. – Карл VIII и Савонарола. – Карл VIII во Флоренции. – Флоренция после Медичи. – Новое законодательство. – Отношение к нему Савонаролы

Во времена Савонаролы Италия представляла из себя заманчивую добычу для всех окружавших ее народностей; междоусобные раздоры итальянских государств, внутренняя слабость каждого из них облегчали захват, и это все хорошо понимали более дальновидные и умные люди того времени. Действительно, лазурное небо и лазурное море, вечно цветущие леса и плодородные долины, процветание наук и искусств, добытые торговлей сокровища и величавые здания – все влекло к ней людей. Ученые и художники мечтали попасть в Италию, чтобы воспользоваться в ней дарами искусства и науки; правительства и солдаты мечтали перейти ее горы, чтобы разграбить ее сокровища. “Impresa d'Italia” была грезою всех: дошедших до вершины своего могущества турок, уже ступивших твердою ногою на европейскую почву; сломивших железный деспотизм французов, умевших объединиться в сильное государство; ощутивших особенный подъем народного духа немцев, стоявших накануне Реформации; изгнавших мавров и присоединивших к себе Арагонию и Кастилию испанцев, уже узнавших, подобно аргонавтам, прелести путешествий за золотым руном в чужие страны; к услугам же всех этих народов стояли тогдашние солдаты-добровольцы Европы – швейцарцы, готовые за деньги служить всем и каждому и убивать всякого, кого им прикажут. Италия же, вечно бушевавшая у себя дома, не имела ни войска, годного к более серьезной войне, ни военных способностей, которые развиваются суровой военной практикой. Этого мало. Она переживала страшное время упадка народного духа – переживала период, когда лучшие ее сыны, недовольные существовавшим ходом дел, в каком-то ослепляющем отчаянии ждали спасения именно от иноземцев. Когда 25 января в 1494 году умер sine lux, sine crux – без света, без креста – не доброй памяти неаполитанский король Фердинанд, иноземцы должны были явиться в Италию в лице французов, предводительствуемых хилым уродцем, невежественным до безграмотности, сластолюбивым до неприличия, королем Карлом VIII или, вернее, вертевшим им, как игрушкой, Этьенном де Вер, прежде камердинером, а теперь герцогом де Бокэр, и Гильомом Бриссонэ, прежде мелким торговцем, а теперь генералом и министром финансов. Предлогом для похода в Италию были наследственные

права Карла VIII на неаполитанский престол. Прибытие в страну сорока шести тысяч иноземного войска не могло сулить стране особенного благополучия. Такие лица, как герцог из лакеев и министр финансов из мелочных лавочников, управлявшие государственными делами, тоже не способны были возбудить надежды на спасение страны. Про короля же можно было сказать одно: в Лионе он так веселился, что все начинали сомневаться, перейдет ли он Альпы; когда же он перешел их и был встречен герцогом миланским, выехавшим к нему с целым кортежем дам, то он так увлекся наслаждениями, что все были убеждены, что далее он уже не двинется; он не мог долго тешиться в Асти и слег – одни говорили – от оспы, другие утверждали, что от чрезмерного разврата. Тем не менее надежд на французов было много в Италии, так она исстрадалась от тирании узурпаторов – правителей над народом, от тирании больших итальянских городов над малыми. Один из эпизодов похода Карла VIII может служить прекрасною иллюстрацией существовавших между отдельными итальянскими областями и городами взаимных отношений. Французское войско дошло до Пизы, бывшей в зависимости от Флоренции; король отправился служить обедню в городском соборе. На пороге храма к нему бросился человек, растерянный, похожий на безумца; он охватил короля за колени, прильнул к его ногам. Он говорил по-французски с большой легкостью, и королю пришлось выслушать всю его длинную речь. Это была история Пизы, самая трагическая из историй Италии – история города, умершего разом, в один день, когда весь его народ был переселен в Геную; потом его продали купцам, Медичисам, которые высосали его жизнь, разрушили его торговлю, заперли перед ним море; сама земля, при помощи умышленной и убийственной небрежности, была превращена в болото; исчезли каналы; начались лихорадки для окончательного уничтожения народа... Тут говорившего начали так душить рыдания, что он смолк; но все в оцепенении продолжали еще слушать. Тогда он поднялся, страстный, в бешенстве, и из его уст полились грозные обвинения против конкуренции, жестокости лавки, которая не позволила Пизе даже добывать пропитание шелком, шерстью и обрекла ее умирать в муках Уголино... “Но, благодарение Богу, через сто лет приходит свобода!” При слове “свобода”, единственном, дошедшем до слуха народа, в толпе грянули крики и рыдания, надорвавшие сердца французов. Король повернулся, вероятно, потому что он сам плакал, и вошел в церковь. Но его близкие, взволнованные, смелые от волнения, – это еще не были куртизаны, хорошо воспитанные и выдрессированные при дворе Людовика XIV, – окружили его и

продолжали речь пизанца. Один советник из парламента Дофине, Рабо, бывший в милости и приближенный к королю, сказал громко: “Ей-Богу, государь, это достойно сожаления! Вы должны хорошо вознаградить... Я не встречал никогда людей, вынесших большие несправедливости, чем эти люди!” Король, ни о чем не думая, неопределенно ответил, что он думает то же. Рабо оставил его, вернулся на паперть, где еще теснился народ, и крикнул: “Дети, французский король дает вашему городу вольности!”

“Да здравствует Франция, да здравствует свобода!” Все бросились к мосту через Арно. Огромный флорентийский лев, помещавшийся здесь на колонне, был снесен, как ураганом, и вниз головой полетел в реку. Без всякого умысла, в полном неведении король разрешил великий процесс века. Это был процесс между Пизой и Флоренцией; это был процесс между подчиненными городами и столицами. Пизанцы приветствовали в лице французов освободителей от тирании Флоренции; флорентийцы видели во французах освободителей от тирании Медичисов.

Флоренция страшно волновалась. Правивший ею Петр Медичи, убедившись, что флорентийцы не намерены поддерживать его союз с Неаполем, поспешил с повинной к французскому королю в сопровождении нескольких послов и, не спрашивая никого, как растерявшийся трус, сам предложил Карлу VIII в полное распоряжение на все время войны все тосканские крепости, причем надавал разных обещаний относительно поддержки французов войсками и деньгами. Это было больше, чем могли ждать и требовать сами французы. Возмущенные послы в полном негодовании оставили Петра Медичи и Карла VIII и вернулись во Флоренцию. Страшная буря поднялась в городе, когда здесь разнесся слух, что Петр Медичи предал всю республику в руки Карла VIII. Бушующая чернь поднялась со всех сторон, бросая мастерские и лавки, готовясь разнести все. Это была стихийная буря. В городе был только один человек, который мог усмирить ее словом. Это был Савонарола, и он волей-неволей, неожиданно для самого себя, явился перед бушующей толпой, простирая в воздухе руки и призывая всех к любви и единению. Толпа стихла, воздержалась от насилий, от грабежа, покорная любимому проповеднику. Тогда проснулась униженная Медичисами, почти устраненная от управления страною сеньория и собралась для совещания. Было решено отправить новое посольство к Карлу VIII, которое должно было заявить, что Флоренция готова принять с подобающими почестями французского короля как друга, но не как покорителя страны. В посольстве принужден был принять участие опять-таки

Савонарола, которого глубоко уважал, почти боялся Карл VIII, знавший о пророчествах Савонаролы насчет прихода “нового Кира”. Посольство поехало к королю; Савонарола, по своему обычаю, пошел пешком. Узнав о посольстве, Петр Медичи опять испугался, тотчас же пообещал королю дать двести тысяч дукатов, а сам поскакал во Флоренцию, предчувствуя, что там происходит что-то недоброе, и приказав по дороге своему свояку Паоло Орсини собрать войско. Во Флоренции он был холодно встречен сеньорией, давшей ему понять, что он уже лишился прежнего значения. Петр Медичи попробовал силой занять прежнее свое положение и наткнулся на возмущение черни. Народ и уличные ребятишки преследовали его свистом и гиканьем. В это время начальник полиции попробовал со своими людьми защитить преследуемого Петра Медичи. Чернь обезоружила полицейский конвой, и полицейское вооружение послужило ей первым оружием при завоевании свободы. Петр Медичи, как и в других случаях, оказался все тем же трусом и бежал как безумный из Флоренции, оставив в ней и своего брата-кардинала, и свои сокровища. Кардинал Джованни Медичи оказался хладнокровнее и бежал из города позже брата, переодевшись простым монахом и припрятав предварительно свои драгоценности в монастыре Сан-Марко. Сеньория назначила цену за головы Петра и Джованни Медичи, а народ принялся за грабеж, срывая гербы с надписью “Медичи” и заменяя это слово словом “Popolani”. В это время вернулись полные безнадежности флорентийские послы от Карла VIII, принявшего их сухо и почти враждебно, так как ему улыбались более выгодные предложения Петра Медичи. Флорентийцы упали духом. Но пока они выслушивали горькие рассказы послов и соображали, что делать, в лагерь французского короля пришел худой, испостившийся монах; это был Савонарола. Он прошел сквозь густые толпы солдат прямо к королю, окруженному своей свитой, и сильным голосом, повелительным тоном заговорил: “Христианнейший король! Ты – орудие в руках Господа, посылающего тебя, чтобы освободить Италию от ее страданий, как я уже предсказывал в течение многих лет, и чтобы преобразовать церковь, лежащую в унижении. Но если ты не справедлив и не милосерд, если ты не станешь уважать и ценить город Флоренцию, его жен, его детей и его свободу, если ты забудешь дело, к которому призвал тебя Господь, то Он изберет другого для выполнения своей воли. Тогда Он наложит на тебя Свою гневную десницу и смирит тебя страшными наказаниями. Это возвещаю я тебе по повелению Господа”. Карл VIII и его свита выслушали эту речь с глубоким уважением к проповеднику, и Флоренция с этой минуты могла

надеяться на лучшее отношение к ней французского короля...

Торжество въезда во Флоренцию Карла VIII имело странный характер: этот “союзник” успел уже допустить восстание городов, подвластных Флоренции, и въезжал в нее на боевом коне, с копьем у бедра, что означало, что он “победитель”; флорентийцы тоже со своей стороны разукрасили город коврами и цветами, а в домах спрятали “на всякий случай” вооруженных людей, готовых по первому призыву броситься на союзников. Не лучше были и переговоры: Карл VIII попробовал заговорить о возвращении Петра Медичи и предложил Флоренции невозможные условия; уполномоченные города, со своей стороны, желали как можно дешевле купить французский протекторат флорентийской свободе; на улицах в это время дошло до открытой стычки французских и флорентийских солдат, а во дворце Медичисов, где поместился Карл VIII, обменивались угрозами. “Мы прикажем трубить в трубы!” – гневно воскликнул король, а флорентийский патриот Коппони говорил: “А мы велим звонить набат в колокола”. Наконец пришли к заключению, что республика и король будут добрыми друзьями, оказывая друг другу взаимную помощь; король будет носить титул восстановителя и защитника флорентийской свободы; в три срока ему выплатят крупную сумму денег и на два года оставят за ним флорентийские крепости, если война с Неаполем не окончится раньше. При этом пришлось еще раз обратиться к тому же Савонароле, чтобы он поторопил короля поскорее выехать из Флоренции, где каждую минуту ждали столкновения с французами. Король и его приближенные ограбили сокровища дворца Медичисов, и город проводил с великой радостью покровителей своей свободы.

Флоренция была предоставлена самой себе, но без правительства, без властей; тогда народ собрался для выбора, по старому обычаю, двадцати “аккаппиатори”, или “центральных уполномоченных”, которые и должны были по своему выбору назначать людей на те или другие должности. Но флорентийцы давно отвыкли от самоуправления, и двадцать новичков, выбранных из разных сословий и несходных во мнениях, явились вполне бессильными на первых же порах и не могли согласиться между собою даже при выборе должностных лиц. Прежде чем освоились эти выборные со своим положением, явилась уже мысль о замене их новыми лицами, явилось в то же время и сознание, что старые республиканские формы отжили свой век и должны быть заменены новыми, за выработку которых и засели стоявшие во главе управления люди. Рядом с этим начались усиленные интриги партий и восстал грозный призрак безденежья в ту минуту, когда деньги нужны были и для уплаты

обещанных сумм французам, и для подавления восстаний в подчиненных Флоренции городах, следовавших примеру Пизы. Все это не могло не испугать богатых людей, промышленников и торговцев, и они стали в выжидательное положение: широкая жизнь, производительность, торговля – все вдруг как бы замерло, и рабочий народ шлялся без дела по улицам, то тут, то там стонал от голода и порою грозил бунтом, благо в воздухе веяло восстаниями и беспорядками, охватившими подчиненные Флоренции города. Настал один из тех повторяющихся нередко в истории моментов, когда обуздывают чернь и спасают ее от стихийной бури не политики, не ученые, не военные, а люди, высокие нравственно и на словах, и на деле, воодушевленные, пламенные патриоты, Минины и Жанны д'Арк, вокруг которых еще при их жизни создаются народом легенды. Одним из таких людей был Савонарола. Обстоятельства, помимо его желания, принуждали его вмешаться в мирские дела и поднять голос, и он заговорил снова: “Откажитесь от роскоши и тщеславия, продайте излишние вещи и раздайте бедным. Граждане, позвольте нам собирать милостыню во всех церквах для бедных в городе и в храме. Употребите на них, хотя на один год, деньги пизанского университета, и если этого мало, то позвольте положить руку на сосуды и украшения церквей. Я сделаю это первый... Но прежде всего составьте закон, повелевающий открыть лавки, и дайте работу народу, болтающемуся теперь праздно на улицах... Воспойте Господу песню новую!.. Господь желает, чтобы все обновилось, чтобы все прошлое уничтожилось, чтобы ничего не осталось от дурных обычаев, дурных законов, дурного правительства. Теперь пришло время, когда слова должны уступить место делам, а пустые церемонии – благочестию. Господь говорит: “Я был голоден, и вы не накормили Меня. Я был наг, и вы не одели Меня”. Но он не говорил: “Вы Мне не строили красивых церквей и красивых монастырей”. Он считал только дела любви. Любовью вы должны обновить все”.

Так как правители продолжали бездействовать, а новые законы не могли создаться одним взмахом пера, народ же находился в страшном положении, то Савонарола волей-неволей выступил настоящим политическим деятелем и изложил свои взгляды на этот предмет. Эти взгляды были возвышенны, но усвоить их и провести в жизнь, к сожалению, могли не флорентийцы того времени, а разве какие-нибудь идеально совершенные существа, какой-нибудь народ, состоявший сплошь из Савонарол. Он считал республиканскую форму правления единственной пригодной для Флоренции системой. Каждый, кто захватил бы во Флоренции власть в свои руки, явился бы

узурпатором, то есть страшнейшим из *тиранов*. Чтобы устроить республику, флорентийцы должны очистить свои сердца, бдительно следить за общим благом и забыть свои частные интересы. Сделав это, Флоренция даст толчок к реформе во всей Италии. Реформа должна начаться с духовной области: эта область выше материальной стороны. Мирское благо должно быть слугою нравственного и религиозного блага, от которого оно зависит. “Государства, как говорят, не управляются молитвою “Отче наш”, но это говорят враги Бога и общего блага”. “Очистив сердца, улучшив свои стремления, предав осуждению игру, разврат и клятвы”, нужно приложить руку к созданию законов, сперва в общем наброске, а потом приступить к разработке частностей и улучшений. Общий набросок должен состоять из следующего: никто не получает должности или обязанности помимо общего собрания, которое одно создает и власть, и законы. Лучшая форма управления для города – большой совет по образцу венецианского. Весь народ должен собраться под предводительством шестидесяти гонфалоньеров – знаменосцев; каждый из этих отделов составит план закона; из них знаменосцы выберут четыре лучших и представят сеньории, которая после торжественной молитвы выберет из этих проектов лучший. В Венеции нет ни беспорядков, ни заговоров с той поры, как ею правит Большой Совет. Каждое сколько-нибудь видное место должно быть выборным. Налоги должны быть пересмотрены, так как они обременительны, и в то же время государство нуждается. Наконец, собрав в собор все власти и народ, Савонарола высказал следующие четыре пункта: “Страх Божий и восстановление добрых нравов; любовь к демократическому законодательству и к общему благу с забвением частных выгод; общая амнистия всем друзьям прежнего порядка, приговоренным к денежным пеням, и снисхождение к государственным должникам; установление правительства на широчайшем основании, чтобы все граждане принимали участие в управлении городом”.

“Consiglio Grande al modo veneziano”[3] – эти слова с данной минуты сделались лозунгом всего флорентийского народа.

Началась законодательная работа, которая, казалось, совершалась во всех мелочах под диктовку проповедей Савонаролы; итальянские ученые говорят, что ни одна из законодательных работ, происходивших во все долгое существование Флоренции, не отличалась такой стройностью и серьезностью, как эта работа. Прежде всего был установлен “большой совет” – “Consiglio Maggiore”, куда могли войти членами все “cittadini benifiziati”, то есть такие, которые были лично правоспособны, имели не менее двадцати девяти лет, и

отцы, деды или прадеды которых состояли членами сеньории или занимали другие почетные должности; таких граждан набралось во всей Флоренции не более 3,2 тысячи человек, и они должны были, разделившись на три части, заседать по шести месяцев, управляя страною. Для признания собрания законным требовалось, чтобы в заседании было не менее двух третей членов. Но в это несколько аристократическое государственное устройство был введен и демократический элемент, так как “для поощрения юношей и пробуждения среди граждан доблестных мужей” каждые три года в собрании избиралось 60 граждан не из “benifiziati” и 24 молодых человека двадцатичетырехлетнего возраста. Кроме того, с 15 января следующего года должен был составиться “совет восьмидесяти”, состоящий из восьмидесяти граждан не моложе сорока лет, также обновляющийся каждые шесть месяцев и служащий советником сеньории, которая собирает его не менее раза в неделю. Великий совет и совет восьмидесяти являлись как бы парламентом и сенатом. Каждый новый закон должен был представляться сеньории ее председателем, менявшимся каждые три дня, потом совету восьмидесяти и затем великому совету. Так как существовавшие законы города страдали неясностью и противоречиями, то было избрано известное количество граждан для пересмотра и приведения в порядок законов. В то же время избрана была комиссия из десяти граждан для пересмотра налогов, денежных штрафов и тому подобного. Уже 5 февраля 1495 года был введен поземельный налог, или “десятина”, как он был назван законодателями. Все это совершалось по той программе, которую последовательно начертал Савонарола в проповедях. Особенно сильно настаивал он на необходимости общего умиротворения и амнистии, зная, как несправедливо распоряжались партии свободой, состоянием и жизнью врагов. Не будучи поборником несчастной теории непротивления злу, он был поборником такой же несчастной в практическом отношении теории непротивления злом. Законодатели издали закон, согласный с его требованиями: простили всех за старые преступления и дали права осуждаемым сеньорией или советом восьмидесяти апеллировать в течение четырнадцати дней перед великим советом. При этом законодатели уклонились от желания Савонаролы, чтобы апеллировали к совету восьмидесяти, а не к массе часто неопытных членов великого совета. Эту меру отстаивали особенно сильно дальновидные враги Савонаролы, и потом оказалось, что они очень умело составили план будущих козней против него. Сам Савонарола в этот день провозглашения всеобщего примирения молчал, хотя в его следовавшей за этим

событием проповеди послышалась известная горечь. Коснувшись преступлений и амнистии, принялись за преобразование юстиции вообще и снова подняли “между прочим значение “Casa della Mercatanzia”, торгового трибунала, пришедшего в упадок при Медичисах. Издано было и постановление о выборе сеньории, состав которой менялся через каждые два месяца. Дальнейшее существование при этих законах аккаппиатори и парламентов потеряло смысл, и они сошли со сцены. Савонарола придавал этому большое значение, так как созывом парламентов пользовались Медичисы, когда надо было посильнее забрать власть в свои руки. Савонарола стал проповедовать устройство “Monte di pieta”, советуя каждому, особенно женщинам, пожертвовать на это дело все лишнее, нести на него не гроши, а червонцы. Народ нуждался и должен был занимать деньги у евреев, платя по 32 процента на капитал и уплачивая, кроме того, проценты на проценты, так что взятые в долг 100 червонцев через 50 лет возрастали до баснословных сумм. Еще при Лоренцо Медичи фра Бернардино да Фельтре проповедовал о необходимости устроить “Monte di pieta”[4], но евреи подкупили правителей, и фра Бернардино был изгнан из Флоренции. К апрелю 1496 года Савонароле удалось осуществить и эту идею: заемщики должны были платить за ссуды 6 процентов, причем они должны были давать только клятву, что “на занятые деньги они не будут играть”.

Свободная Флоренция была окончательно организована в один год, и на платформе палаццо сеньории поставлена принадлежащая Медичисам статуя знаменитого скульптора Донателло – “Юдифь, убивающая Олоферна”. Под статуей была помещена знаменательная надпись: Exemplum salutis publicae cives posuere MCCCCXCV.

Устанавливая во Флоренции новое государственное устройство, Савонарола оставался строго верен своему нежеланию принимать личное участие в управлении делами города. Он только внушал флорентийцам свои предположения, не навязывая их и предоставляя им самим принимать его советы или нет. Свою личную роль он видел именно в положении народного советника, что подтверждается и его проповедями. “У евреев были пророки, которых они называли судьями и к которым они обращались в важных случаях. Эти лица после молитвы к Богу высказывали свое мнение, и если народ иудейский следовал ему, то преуспевал, в противном случае – страдал”. Собственно монархическая, единоличная форма правления вполне бы удовлетворяла Савонаролу, под условием предоставления власти лучшему из граждан; за неосуществимостью такого идеала

Савонарола считал необходимым призвать к заведованию государственными делами всех граждан, сначала, как мы видели, потомков бывших правителей, а постепенно и более демократические элементы из лучших людей.

Глава V

Партии во Флоренции. – Проповеди Савонаролы. – Карл VIII в Италии. – Людовик Сфорца. – Папа и Савонарола. – Преобразование детей. – Новые проповеди Савонаролы. – Опасности, которым он подвергается. – Валори и кампанъяцци. – Система налогов. – Карнавальные празднества. – Сопротивление Риму. – Враги Савонаролы во Флоренции. – Отлучение Савонаролы от церкви

Несмотря на прекрасно составленный план республиканского управления, Савонарола не был ни спокоен, ни радостен. Его проповеди были скорбны, и, исполненный каким-то пророческим духом, видевший мрачные видения, он в крайнем экстазе пророчил дурной конец Флоренции и всей Италии, “если люди не исправятся и не покаются”. Здесь нечего пускаться в рассуждения о том, был ли дан Савонароле свыше дар пророчества, в который он глубоко верил сам и еще более верили приближенные к нему монахи вроде страстного Доминика и мистика Сильвестра; мы только должны остановиться на том, что и помимо пророческого дара умному человеку можно было предвидеть, что испорченное флорентийское общество было неспособно воспользоваться данной ему формой правления. Забыть свои личные интересы, возвыситься до бескорыстного патриотизма, самоотверженно послужить благу своих ближних – все это было подвигом, а подвигов нельзя требовать от всей массы людей, и притом людей испорченных вконец пороками, развратом. Снаружи установилось правильное республиканское правление, внутри шла подпольная борьба партий: “серые” мечтали о возвращении Петра Медичи, “беснующиеся” жаждали аристократического республиканского правления, стремясь к репрессивным мерам против Медичисов и ненавидя “белых”, то есть мирных последователей Савонаролы, которых они презрительно называли “плаксами” – “piagnoni”. Представители партий хорошо понимали, что прежде всего нужно победить Савонаролу, чтобы действовать с развязанными руками: он дал Флоренции чисто народное республиканское правление, он подавляет умы своими проповедями, он покоряет сердца предсказаниями о будущем, это не простой правитель, а “святой” в глазах массы, и потому бороться с ним трудно. Первой вылазкой против него было обвинение его духовными лицами за то, что он вмешивается в светские дела, но обвинение это пало само собою, так как в Священном писании не было запрещения духовным лицам управлять светскими делами, да кроме того во Флоренции была масса примеров, доказывающих благотворное

влияние духовных лиц на мирское управление: кардинал Латинус, Петр Мученик, Катерина Сиенская, Антонин – все это были святые защитники Флоренции. Затем воспользовались проповедью Савонаролы о необходимости церковной реформы: в этой проповеди Савонарола говорит, что гнев Божий висит над князьями и прелатами церкви. Проповедь напечатали, распространили по Италии и добились в Риме приказания, чтобы Савонарола шел проповедовать в Лукку. Удалив его из Флоренции, враги могли уничтожить начатое им дело. Савонарола покорился папскому приказанию и прочел четыре проповеди, прощаясь с прихожанами и заклиная их быть единодушными, продолжать развитие народного управления, жертвовать излишним для бедных. Слушатели были глубоко потрясены, плакали, и в Рим полетели просьбы об оставлении Савонаролы во Флоренции на время поста. Папа взял назад свой указ и позволил Савонароле остаться до Пасхи. Савонарола стал проповедовать о нравственной жизни. Только нравственно возродившиеся люди могли спасти республику. Истинная дружба, основанная на правдивости, честности и добродетели; сущность свободы и горькое положение рабов страстей; единодушие граждан, дающее силу обществу; любовь и милосердие, на которых должно созидаться общество; высокое призвание женщин поддерживать патриотизм в мужчинах и, вскармливая грудью, воспитать детей-граждан; вот главная сущность проповедей, с которыми обратился Савонарола к флорентийцам в великий пост 1495 года. Исхудалый, полубольной, с горящими глазами, с благостным выражением лица, со страстной речью, прерываемой слезами, он довел толпу до последней степени увлечения: женщины, одетые просто и скромно, несли свои драгоценности в дар для раздачи бедным, брачащиеся давали обеты воздержания и целомудрия, молодежь перестала курить, смолкли светские песни; рабочие в праздничные дни засели за чтение Библии, церкви были полны народа, все стремились возможно чаще исповедоваться, и наконец дело дошло до того, что купцы и банкиры приносили в жертву бедным нечестно приобретенные деньги.

– Плаксы! молельщики! смиренники! опущенные головы! – осыпали их насмешками “беснующиеся”, выходя их себя от злобы на Савонаролу.

А из окрестностей Флоренции целые массы народа стекались послушать знаменитого проповедника, и в монастыре Сан-Марко, где, вместо пятидесяти монахов, теперь было уже двести тридцать восемь монахов, в монахи вступали дети знатных фамилий, ученые, профессора, литераторы, врачи.

Эти быстрые результаты проповедей Савонаролы должны были радовать великого проповедника, но участь народов и государств зависит от множества самых разнообразных причин, предотвратить которые нельзя никакими проповедями. Опасность ждала Флоренцию не от внутренних неурядиц и интриг, а от чисто внешних событий. Безумно начатое предприятие французов, как и следовало ожидать, кончилось не меньшим безумием. Людовик Сфорца призвал Карла VIII прийти в Италию для предъявления прав Анжуйского дома на неаполитанский престол. “Этот безумный проект, – по замечанию одного старого писателя, – был с поспешностью принят французским двором, скучавшим среди мира, не имея способностей извлечь из него пользу. Едва решив вопрос о предложенном Сфорцею предприятии, стали торопливо делать к нему приготовления или, вернее сказать, не имели даже терпения сделать их перед походом в Италию. Недоставало даже денег, настолько недоставало, что уже при вступлении в Ломбардию Карл VIII был доведен до горькой необходимости заложить бриллианты, одолженные ему герцогиней Савойской и маркизой Монферра. Через несколько дней после прибытия в Неаполь Карл VIII бежал с поспешностью из этого города, проходя с трудом по Италии, где он считал себя как бы пленником, и даже блестящая победа при Форново случилась, казалось, только затем, чтобы король мог свободнее бежать в свое государство”. Неаполитанцы в это время уже думали о возвращении на престол арагонской династии. В остальной Италии тоже начиналось брожение против французов, и, за исключением флорентийцев, все итальянские государства заключили союз для изгнания иноземцев. Дело сделалось быстрее, чем можно было ожидать. Когда Карл VIII, оставив Неаполь, направился в обратный путь, лежавший через Флоренцию, он, как всегда бестактный и легкомысленный, захватил с собою Петра Медичи. Как только дошел до Флоренции слух об этом, флорентийцы поднялись как один человек; вооружились все: мужчины, женщины, дети; все улицы забаррикадировались, дома обратились в крепости. Дело не могло обойтись без помощи Савонаролы, и он снова отправился на свидание с Карлом VIII. Грозя ему на словах и в письмах гневом Божиим, он успел отвратить от Флоренции опасность нашествия французов, которые, повеселившись в Пизе, миновали Флоренцию и ушли во Францию. Но он не мог так легко справиться с итальянскими владетелями, заключившими союз против французов. Они негодовали на Флоренцию, которая была союзницей Франции, негодовали на ее республиканское правление, негодовали на изгнание ею Петра Медичи, который

теперь собрал войско и готовился завоевать Флоренцию. Савонарола снова взошел на кафедру и начал говорить о политике, призывая народ к борьбе против своего притеснителя. Воодушевленные его страстною речью, флорентийцы ободрились и быстро собрали войско. Петр Медичи был окружен со всех сторон врагами; истратив все деньги и потеряв даром время, лишенный своевременной поддержки со стороны желавших его возвращения во Флоренцию союзников, он должен был снова пуститься в бегство и прибыл в Рим. Герцог Миланский Людовик Сфорца, один из величайших интриганов того времени, агитировавший и за французов, и против них, был ненавистником Петра Медичи и потому интриговал против него, но в то же время он еще более ненавидел обличителя князей – Савонаролу и держал руку “беснующихся”, стремясь низвергнуть флорентийскую демократическую республику и в конце концов надеясь завладеть самой Флоренцией. Этот-то человек и начал вести подпольную интригу против Савонаролы, стараясь вооружить против последнего папу. Из Флоренции и Милана стали приходить в Рим письма, в которых Савонарола описывался как противник духовенства и самого папы. Брат Людовика Сфорцы, кардинал Асканио Сфорца, и Дженнаццано были главными орудиями интриги в Риме. Возбужденный против Савонаролы, Александр VI – этот тайный убийца и отравитель – очень нежным письмом пригласил Савонаролу в Рим, чтобы “при помощи его лучше узнать волю Божию”. Нежный тон прикрывал замысел убить Савонаролу на дороге или засадить его в крепость св. Ангела в Риме. Друзья советовали Савонароле не ездить в Рим ради безопасности жизни и сохранения целости юной республики. К счастию, уже за несколько дней до получения папского послания Савонарола объявил с кафедры, что его здоровье не позволяет ему на некоторое время проповедовать. Получив послание папы, он мог сослаться на тяжкий недуг, мешающий ему идти в Рим. Савонарола, так как хитрость не входила в число его добродетелей, ответил папе откровенно и без уверток, что он сам желал бы посетить святой город, но у него так много врагов, что он ежеминутно опасается за свою жизнь даже здесь, а между тем созданное им управление еще не окрепло и требует его поддержки ввиду различных враждебных партий; как только будет у него возможность, он сам поспешит в Рим.

Прошло несколько месяцев, и монастырем св. Креста, бывшим в натянутых отношениях с монастырем св. Марка, было получено послание папы, приказывающее препроводить в Рим “некоего Джироламо”, распространяющего ложные учения. Затем явилось третье послание папы, запрещавшее Савонароле

проповедовать. Теперь дело шло уже не о борьбе на почве политики, а на почве религиозных воззрений: Савонарола являлся еретиком. Как было тут бороться против папы? Один из кардиналов Сан-Пьер, взошедший потом на папский престол под именем Юлия II, уже давно проповедовал о необходимости созвания собора, так как папа Александр VI достиг престола подкупом. Карл VIII, к которому кардинал Сан-Пьер обращался с требованием созвания собора, был согласен, что следует созывать собор. Савонарола ухватился за эту мысль и тоже вступил с Карлом VIII в переписку по этому делу. Больной, озабоченный несчастиями, постигнувшими в это время его горячо любимую им семью, лишенный права проповедовать, Савонарола не без тяжелого чувства узнал, что “беснующиеся” готовятся справить карнавал 1496 года так, как справлялись карнавалы при Медичисах, когда разгулу, беспутству и цинизму не было пределов. Бороться против карнавальных распутств пробовали многие, но все попытки оставались безуспешными. Странным образом карнавал сделался особенно дорогим для детей и подростков: они бесцеремонно загораживали большими жердями улицы, нагло требуя отступных денег от веселящейся толпы, проматывали эти деньги в кутежах к вечеру, вечером зажигали огни на площадях, плясали и пели вокруг костров и в конце концов начинали сражаться бросаньем каменьев, причем бывали всегда и убитые. Все это может показаться почти невероятным, если мы не напомним, что во Флоренции “детьми” назывались молодые люди почти до двадцатилетнего возраста. Савонарола предпринял “преобразование детей”, видя в них будущих граждан, которым придется поддерживать созданную им республику. Не отменяя карнавала, он превратил его в духовное празднество: на перекрестках, где дети загораживали путь жердями, воздвигались маленькие алтари, у которых дети собирали по-прежнему деньги, но эти деньги должны были идти не на кутеж, а на бедных. Вместо грязных песен для детей составлялись духовные гимны, написанные самим Савонаролой, принявшимся снова за стихи, и поэтом Джироламо Бенивиени. Чтобы ввести больший порядок в дело, Савонарола поручил своему товарищу Доменику собрать детей и назначить из их среды предводителей, которые и отправились к сеньории объяснить затеянное предприятие. Поощренные сеньорией и гордые своим избранием, подростки серьезно принялись за дело. Хотя карнавал был по обыкновению довольно шумным, но уже ребятишки не кутили и не дрались каменьями, собрав до трехсот дукатов на бедных. В последний день карнавала устроена была процессия из детей, которых было до десяти тысяч: они пели

гимны и направлялись к собору, чтобы вручить “попечителям” бедных собранные деньги. Массы народа собрались поглазеть на невиданное зрелище; большинство ликовало, прославляя новую затею Савонаролы.

В Риме нашлись люди, выхлопотавшие между тем у папы позволение Савонароле снова проповедовать. Один доминиканец, которому папа поручил рассмотреть проповеди Савонаролы, даже пришел к тому заключению, что эти проповеди не только не следует запрещать, но нужно дать за них проповеднику звание кардинала. Папа принял совет и через одного посланца-доминиканца предложил Савонароле кардинальский чин, “если он изменит тон своих проповедей”. Это была новая ловушка папы-предателя. Савонарола был так возмущен предложением, что мог сказать посланцу папы одно:

– Приходите на мою следующую проповедь, и вы услышите мой ответ Риму.

Нелегко было добраться теперь в собор на проповедь Савонаролы: не только церковь наполнялась слушателями, но кругом нее был выстроен высокий амфитеатр, наполнявшийся сплошь почти исключительно детьми и подростками, которые являлись теперь постоянными слушателями Савонаролы и к которым он часто стал обращаться в проповедях, заботясь о воспитании новых людей для нового государства. Далеко не в безопасности, окруженный вооруженными приверженцами, пробирался он к собору, так как его уже намеревались убить “беснующиеся”, и носились слухи о подосланных к нему Людовиком Сфорцей убийцах. В первой же проповеди он высказал мысль, что догматы церкви непогрешимы, но что можно и даже должно не исполнять произвольных приказаний высших, если эти приказания противоречат христианской любви Евангелия. Это учение есть учение католической церкви, Фомы Аквината и других ее учителей и пап. Вот почему он и не слушает того, что противоречит христианской любви и Евангелию. Зная, что его отъезд из города, нуждающегося в нем, будет гибелен, он не выехал бы из города ни по чьему приказанию. Его заставили молчать, и он исполнил приказание, хотя оно было издано под влиянием лживых слухов и изветов. Но, видя, что добрые теряют энергию, что злые становятся смелее, а дело Господне гибнет, он принял решение во что бы то ни стало вернуться на свое место. Заканчивая проповедь, он обратился к юношам, говоря, что они счастливы тем, что развиваются во дни свободы, что они не испорчены тиранией, что они привыкнут к готовящейся им роли правителей. Его проповедь была как бы программой для следующих проповедей. Во второе воскресенье великого поста,

вступив на кафедру, Савонарола начал проповедь со слов пророка Амоса: “Слушайте слово сие, телицы Васанские, которые на горе Самарийской, – вы, притесняющие бедных, угнетающие нищих, говорящие господам своим: “Подавай, и мы будем пить”. “Кто эти телицы? – спрашивает он и отвечает. – Эти жирные телицы – блудницы Италии и Рима. Тысячи их можно насчитать в Риме, десять тысяч, сорок тысяч и то мало! В Риме этим ремеслом занимаются и мужчины и женщины”. Страстно громя пороки и обличая лицемерие, он заметил: “Вы испорчены вконец в речах и в безмолвии, в бездействии и в бездеятельности, в вере и в безверии”, и главным образом напал на внешний блеск, на церемонии, на тщеславие церкви, лишенной истинной религиозности. “Почему, – говорит он, – когда я прошу десять дукатов на бедных – ты не даешь, когда же я прошу сто дукатов на часовню Сан-Марко – ты даешь? Потому, что в этой часовне ты желаешь повесить свой герб”. Опять он пророчил Италии гибель, если не обновится церковь, не обновятся люди. В последних проповедях этого времени, когда происходили выборы в большой совет, он снова коснулся политики, призывал народ поддерживать большой совет и остерегаться возвращения Петра Медичи. Обращаясь почти каждый раз между прочим к детям в проповедях этого времени, Савонарола в Вербное воскресенье устроил особую процессию детей, которой должны были открыть “Monte di pieta”. Держа в руках распятие, он обратился на площади к народу со словами:

– Флоренция, вот царь вселенной, он хочет быть и твоим царем! Желаешь ли ты иметь его?

– Да! – грянули тысячи голосов потрясенных до слез граждан.

Затем дети в белом одеянии в торжественной процессии пошли по церквам, распевая гимны и собирая милостыню, которая и была ими вручена избранным начальникам “Monte di pieta”.

Заканчивая проповеди великого поста, Савонарола пророчески заметил, что концом его деятельности будет: в общем победа, в частности гибель. Предвидеть гибель было нетрудно: с одной стороны, тысячи народа носили, так сказать, на руках своего проповедника, ловили каждое его слово, его проповеди переводились на иностранные языки, их перевели даже на турецкий язык для султана, а с другой, – папа, итальянские князья, властолюбцы Флоренции считали себя лично задетыми и обиженными этим монахом, мечтавшим и писавшим во времена бессовестного отравителя Александра Борджиа и коварного Людовика Сфорца “о простоте христианской жизни”.

Раздробленная на отдельные государства, каждое из которых

старалось выработать свои особенности в форме правления и должно было в борьбе за свое существование зорко следить, главным образом, за политикой, Италия сделалась колыбелью, с одной стороны, политических деятелей и, с другой, – законодателей по преимуществу. Политика итальянцев была не безупречна. “Итальянцы, – говорит Мабли, – ослепленные своими ненавистями и своим честолюбием, всегда льстили себя надеждою поправить эти непоправимые недостатки высшею ловкостью своего образа действий и, злоупотребляя хитростью и тонкостями, были приведены к тому, что пускали в дело при своих политических сношениях только мошенничество и коварство”. Но, соглашаясь вполне с этим мнением, нельзя не признать, что своеобразная жизнь итальянских государств способствовала становлению выдающихся законодателей, и Италия сделалась родиной Макиавелли, Мазарини, Беккариа, Наполеона, и даже в последнее время из нее же идут новые веяния, например, в области воззрений на уголовное право в лице Ломброзо, Ферри и других деятелей. Савонарола был тоже из тех умов, которые ясно видели хорошие и дурные стороны того или другого законодательного и политического строя. Под его влиянием быстро создалось новое устройство республики, создался новый законодательный кодекс. Но как бы ни была удачна форма правления страною, эта форма не может спасти страну в известные минуты от чисто стихийных бедствий и оградить ее в борьбе с коалицией более сильных внешних врагов. История доказывает это массою примеров, и таким примером была флорентийская республика.

Волнения последних лет, застой в торговле и промышленности, уплата денег французскому королю, война с отстаивавшими приобретенную независимость пизанцами – все это потрясло финансы Флоренции, все это потрясло и частные богатства, так как республика требовала денег и денег. Началась дороговизна, бескормица, из деревень прибывали в город умирающие от голода люди, сказывались и последствия голода – заразные болезни, чума. Рядом с этим шли интриги Людовика Сфорцы, ворочавшего делами итальянской лиги, к которой не примыкала Флоренция как союзница Франции. Людовик Сфорца для подкрепления лиги не нашел ничего лучшего, как призвать из-за Альп другого чужеземца – немецкого императора Максимилиана, который и должен был получить железную корону, обновить авторитет римского государства, помочь пизанцам. Папа, также домогавшийся гибели демократической республики, понял очень хорошо, что стоит отнять у республики ее проповедника, и она окончательно падет духом. Он снова

издал приказание, чтобы Савонарола не проповедовал. По этому поводу возникла переписка Савонаролы с Римом, не приведшая ни к каким результатам. Голодающий город, где ежедневно умирали люди на улицах, приходил в отчаяние. “Беснующиеся” ликовали, говоря:

– Теперь никто не будет сомневаться в том, что Джироламо обманул нас. Вот оно, обещанное Флоренции счастье!

Сеньория, со своей стороны, устраивала крестные ходы с чудотворным образом Мадонны дель Импрунета и неотступно настаивала, чтобы Савонарола исполнил свой долг относительно отчизны – взошел бы на кафедру. Джироламо силою обстоятельств снова был поставлен между двух огней: для спасения Флоренции была нужна его проповедь, а проповедовать значило объявить войну Риму. Любовь к республике победила, и 28 октября Савонарола снова явился на кафедру перед толпой голодного народа, жаждавшего поддержки, ободрения. Произошел необыкновенный случай: через два дня, когда все граждане шли за чудотворной иконой, в город прискакал гонец с известиями о прибытии в Ливорно из Марселя вспомогательного войска и провианта.

– Проповедь Джироламо снова спасла нас! – кричали люди, плача и обнимаясь от радости.

Все преувеличивали размеры в сущности ничтожной помощи, преувеличивали не только во Флоренции, но и в самом Ливорно, где палили из пушек от радости и даже обратили в бегство перепугавшихся императорских солдат, одержав таким образом бескровную победу.

Стараясь еще более поднять дух народа, Савонарола учил теперь людей не дорожить жизнью. “Мы живем, братья, – говорил он, – чтобы научиться уменью хорошо умирать”. Он сам ежеминутно ожидал смерти, так как его подстерегали враги, но, тем не менее, не складывал оружия. Заканчивая свои проповеди в этом году, он говорил горячо о борьбе партий, которые больше занимаются вопросом о нем, бедном монахе, чем о благе родины, и призывал всех думать и заботиться только о последнем, так как враги республики не дремлют. Действительно, враги республики не дремали, и папа нашел средство посеять раздоры и неурядицы среди монахов: он новым указом уничтожил самостоятельность монастыря Сан-Марко, соединив все доминиканские монастыри Тосканы в одну конгрегацию, причем генеральный викарий, проживавший в Риме, по статуту доминиканцев должен был меняться каждые два года; новое постановление понижало значение монастыря Сан-Марко и давало простор интригам враждовавших между собою доминиканских монастырей.

Подрывали созданное Савонаролою здание не одни враги: вредили ему и друзья. Народный вождь, Катон Флоренции, пылкий и благородный Франческо Валори, в 1497 году сделался гонфалоньером (знаменосцем) юстиции и с преданной ему сеньорией, вопреки советам Савонаролы, несколько изменил закон о вступлении в члены “большого совета”: в члены этого совета могли вступать теперь люди не с тридцатилетнего возраста, а с двадцати четырех лет. Причиной этого изменения было желание Валори привлечь в совет возможно больше граждан. Но Савонарола был дальновиднее Валори: он знал, как развращена флорентийская “золотая” молодежь, как негодует она на прекращение пиров и карнавальных безобразий, как бесчинствует она, ходя с оружием в руках по улицам и слывя среди народа под именем “дурных приятелей”. Эти “кампаньяцци” ненавидели Савонаролу. Наряду с этою реформою большое влияние, если не на ход внутреннего управления, то на взаимные отношения граждан, имела предполагавшаяся реформа денежных повинностей, которую хотела провести сеньория и которая до крайности обострила борьбу партий. Вопрос шел о “decima scalata” – “прогрессивном налоге”, против которого восстали все богачи и за который ухватились все бедняки. Страстные споры об этом законе вызывали враждебные отношения партий и оставили известную горечь в сердцах, хотя сам закон и был отвергнут. Савонарола в это время удалился в свою келью, работал над своим “Триумфом Креста” и готовил к изданию свои мелкие сочинения, которые могли приобрести ему новых поклонников и сторонников в его борьбе с Римом. Духовными делами правил за него Доменик, его другой страстный приверженец, не всегда поступавший обдуманно.

Этот удобный момент “беснующиеся” избрали для нанесения Савонароле первого тяжелого удара, задумав восстановить карнавал в его прежнем виде. Доменик загорячился, собрал детей, и они стали стучать в двери богачей, прося или требуя от них в пользу бедных маскарадные костюмы, маски, безнравственные произведения искусства и т.д. Все эти вещи должны были послужить предметом для особого празднества, придуманного Домеником и Савонаролой: на большой площади была воздвигнута пирамида из всех этих “позорных анафем”, в число которых попало, между прочим, несколько экземпляров “Декамерона” и циничных сочинений того времени, которыми зачитывались монахини и монахи; на вершине пирамиды помещалась аллегорическая фигура карнавала; пирамиду окружали пришедшие в торжественной процессии флорентийцы и поместившиеся на возвышении дети; под звуки духовных гимнов

и сатирических песен против карнавала пирамида зажглась, и пламя истребило все то, что Савонарола считал бесстыдным, безнравственным и вредным. Таким развлечением была на этот раз заменена игра в камни, заканчивавшая обыкновенно карнавалы. Враги, конечно, начали кричать, что сожжены были чуть ли не целые издания “Декамерона”, а в позднейшее время некоторые писатели готовы были утверждать, что сжигались знаменитые картины и чуть ли не мраморные статуи. Преувеличения коснулись и детей: рассказывали, что они преследовали взрослых издевательствами, силой отнимали “суетности”, сделались домашними шпионами и т.д. Савонарола принял сделанный ему Римом вызов, и его великопостная проповедь загремела против этого города. Прежде всего он коснулся светских владений церкви. Не отрицая прав церкви владеть имуществом, чтобы не явиться прямо еретиком, он смело заявил, что богатство испортило церковь, что она должна отказаться от него, как отказываются мореходы от своих сокровищ во время бури, бросая все в море. Без боязни высказал он теперь весь свой ужас перед распутством Рима и свою готовность встать во главе движения, направленного для преобразования и улучшения церкви. “Они, – говорил он про духовных лиц Рима, – не спасают никого, но скорее убивают души людей своим дурным примером. Они удалились от Бога; их культ – проводить ночи в разврате и весь день сидеть на хорах и болтать. Алтарь стал для духовенства лавочкой”. Говоря это, проповедник не скрывал ни перед кем того, что ждет его за смелость, и в последней проповеди сказал: “Если бы я хотел поддаться льстивым речам, я не был бы теперь во Флоренции, не носил бы разодранной рясы и сумел бы нести свой крест; даруй мне, чтобы они меня преследовали. Я молю Тебя об одной милости, чтобы Ты не попустил меня умереть на моем ложе, но дал бы мне пролить за Тебя мою кровь, как Ты пролил за меня свою”. Не скрывая от народа близости борьбы, Савонарола горячо надеялся в то же время на близкое созвание собора, который низложит папу. Однако для Флоренции в данную минуту страшнее папы и всех подобных врагов было ее материальное положение: дороговизна, безработица, голод, большое число больных, среди которых попадались все чаще жертвы чумы, росли с каждым днем; и “серые”, сторонники Медичи, поняли, что наступило удобное время для интриг. Им удалось в новой сеньории избрать в гонфалоньеры на март и апрель Бернардо дель Неро, влиятельного сторонника Медичи, о чем тотчас же сообщили в Рим, а из Рима ко всем властям Италии полетели просьбы Петра Медичи о денежной помощи. Во Флоренцию

прилетела даже первая ласточка, долженствовавшая возвестить о наступлении нового времени – времени возвращения Медичисов. Это был Дженнаццано, проживавший в последнее время в Риме, где жил и Петр Медичи со своим братом кардиналом, пьянствуя и развратничая по целым дням, запутавшись в долгах до того, что про него говорили: “ему каждый флорин (пять лир) обходится в восемь лир”, – и в то же время составляя длинные списки тех лиц, которые будут лишены имущества, изгнаны из родного города и казнены, когда они, оба Медичи, вернутся во Флоренцию. Узнав об избрании гонфалоньером Бернардо дель Неро, Петр Медичи решился завладеть Флоренцией. Его отговаривали делать преждевременные попытки. Но Петр Медичи был не из тех людей, которые слушают умных советов. Гордый в свою мать, урожденную Орсини, он был глуп, так что его отец говорил про него: “У меня три сына: один добрый (Джульяно), другой умный (Джиовани, потом Лев X) и третий дурак (Петр)”. Этот-то “дурак” собрал теперь наскоро тысячу триста солдат и быстро двинулся к Флоренции, ожидая почему-то, что она сейчас примет его с открытыми объятиями. Флорентийцев известил о походе Петра Медичи случайно увидавший войска крестьянин, и они успели закрыть ворота и выставить на стену пушки. Петр подошел к городу, но, увидав запертые ворота и пушки, бежал снова, охваченный обычной трусостью. Смущенные этим происшествием, “серые” опустили головы, но зато “беснующиеся” начали агитировать еще сильнее прежнего, так как на этот раз в сеньории почти все члены были из их партии. Видя “серых” и без того униженными, они опрокинулись всей своей силой на Савонаролу и народную партию, завербовав себе в помощники пьяных и развратных “кампаньяцци”. Эта бесшабашная “золотая” молодежь всегда готова была резать и грабить, не имея ни совести, ни чести, ни идеалов. Она задумала даже взорвать проповедника прямо на кафедре в церкви и только смутилась, вспомнив, что народ за это может разорвать их самих на куски. Страшило не самое преступление, а наказание за него. Решено было или убить Савонаролу на улице, или опозорить его во время проповеди в день Вознесения, намазав нечистотами кафедру, воткнув гвоздь в те места, куда он клал руки.

На дружеские советы отказаться от проповеди в этот день Савонарола горячо ответил:

– Из страха перед людьми я не могу оставить народ без проповеди в тот день, когда Господь повелел своим ученикам возвестить миру его учение!

Роковой день настал. Кафедру рано утром вычистили приверженцы Савонаролы до его прибытия в храм. Он пришел в

церковь, окруженный тесной толпой друзей, миновав толпу нарядной “золотой” молодежи, нагло смотревшей на него. Он начал проповедь о значении веры, обратился к добрым об ожидающих их страданиях, перешел к злым, которые не знают, что творят, и прибавил:

– Я замолчал бы только тогда, когда моя проповедь могла бы принести вред или если бы боялся произвести ею беспорядки.

Вдруг раздался треск сваленной на пол железной кружки, грянул барабанный бой, начался грохот скамьями, и наполовину выломанные двери храма распахнулись настежь. Все бросились бежать кто куда попало; какие-то защитники Савонаролы добыли оружие; их испугались еще более, считая за “золотую” молодежь, пришедшую резать кого попало.

– А, злые не хотят прощения! – крикнул Савонарола, стараясь заглушить шум. – Подождите же, успокойтесь!..

Никто не слушал. Он поднял распятие и крикнул:

– Надейтесь на Него и ничего не бойтесь!

Голос затерялся среди смятения. Тогда Савонарола склонил колени и стал молиться... Не скоро могли его вывести обратно в монастырь Сан-Марко, где он и докончил среди кружка монахов свою проповедь, прерванную ловко устроенным бесчинством “кампаньяцци”.

“Беснующиеся” торжествовали: оставив бесчинствовавшую молодежь без наказания, они предали пыткам некоторых из народников, издали запрещения монахам проповедовать и стали обсуждать вопрос об изгнании из города Савонаролы во имя народного спокойствия; они не сделали этого, так как со дня на день ожидали папского отлучения Савонаролы от церкви. Дженнаццано, опять бежавший в Рим, торопил папу отлучить от церкви “губителя флорентийского народа” и “орудие дьявола”. Тщетно попробовал Савонарола письменно образумить папу, доказав свою правоту, – отлучение было подписано 12 мая. Оно было написано осторожно, в виде письма, и обращено не прямо к народу, а к монахам монастыря Сантиссима Аннунциата. От монахов оно перешло во Флоренцию и после долгих колебаний было вывешено в главных церквах разных кварталов города. Что-то нерешительное и трусливое было в этом отлучении: учение Савонаролы называл папа “подозрительным” и оговаривался, что проповеди кажутся ему такими, “насколько он слышал о них”. С этого дня в истории Савонаролы начинается новый период. Он открыто выступает против папства, явно порывая связи с церковной иерархиею. 19 июня появилось его первое послание против отлучения, где он признавал “отлучение недействительным перед Богом и людьми, так как оно составлено

на основаниях и обвинениях, измышленных его врагами”. Во втором послании против отлучения он прямо говорит, что “было бы ослиным терпением, заячьей трусостью и глупостью подчиняться всякому и каждому осуждению”. Тем не менее, 22 июня все флорентийское духовенство и францисканские монахи собрались в собор, зазвонили в колокола, при красноватом свете четырех факелов прочли отлучение, затем погасили все огни, и церковь охватили тьма и гробовая тишина.

Глава VI

Перемена в настроении во Флоренции. – Заговор Петра Медичи. – Протест Савонаролы против отлучения. – Возбуждение против Савонаролы. – Его отношение к враждебным происка м. – Намерение созвать собор. – Перехваченное письмо к Карлу VIII. – Предложение огненной пробы. – Осада и взятие Сан-Марко. – Плен Савонаролы

Флоренция сразу сделалась неузнаваемой. Члены сеньории состояли в это время почти сплошь из “беснующихся”, и потому они допустили “золотую” молодежь бесчинствовать сколько ей угодно. Город наводнился сразу пасквилями, грязными песнями, бесстыдными сатирами против доминиканцев и Савонаролы. Пьяные кутилы и падшие женщины как бы решили вознаградить себя за долгое время воздержания, и город казался сплошным вертепом. Но через месяц сеньория, избранная на июль и август, явилась сторонницей Савонаролы, и в Рим отправилась просьба об отмене отлучения. Флорентийский посланник в Риме усердно искал покровителей для Савонаролы и не без успеха, хотя среди людей, готовых хлопотать за Савонаролу, были и такие, которые прямо требовали крупных взяток, так как в Риме за деньги добывалось все. В это время произошло происшествие, смутившее на минуту самого Александра Борджиа: герцог Кандия, старший сын папы, убил и бросил в Тибр своего брата, кардинала Валенции, приревновав к нему свою сестру, знаменитую Лукрецию Борджиа. Потрясенный папа заперся в своем дворце, приказал кардиналам серьезнее взглянуть на церковные дела и, казалось, готов был начать новую жизнь. Савонарола, веривший в возможность перерождения людей, написал трогательное письмо к папе, утешая его и говоря о покаянии. Рядом с этим письмом отправились в Рим еще два послания, защищавшие Савонаролу и подписанные: одно – 250 доминиканцами, другое – 363 гражданами. Просили отмены отлучения уже ради того, что Савонарола был необходим как поддержка во время господствовавшей в городе чумы. Чума заглянула и в монастырь Сан-Марко, откуда Савонароле предлагали удалиться за город; он воспользовался этим предложением богатых граждан, но не для себя, а для молодых послушников, в числе которых был и его брат Аврелий; удалив их, он мог удобнее разместить монахов и избавить монастырь от скученности народа. Практическая распорядительность не покидала его никогда. Сам он, хотя и был обречен на бездействие, однако был бодр, утешал ближних и даже издал “Медицинский трактат о чуме”, в котором говорил,

как следует поступать, чтобы сохранить в порядке и спокойствии душу и тело, и советовал быть умеренным в пище и питье, не терять бодрости и веселости, самоотверженно служить больным, даже если это враги. Чума, страшно встревожившая город, прошла, однако, скорее, чем можно было ожидать. Но прошла она – явилась новая тревога: открылся заговор Петра Медичи против республики, в который были замешаны очень видные люди и, между прочим, старик Бернардо дель Неро. Виновных привлекли к суду “восьми”, которые заведовали политическими и уголовными судебными делами и менялись каждые четыре месяца, и эти судьи испугались исполнить свои обязанности и навлечь на себя в будущем мщение родни подсудимых. Начался запутанный процесс, который выказал трусость многих перед сторонниками Медичисов, и кончилось дело казнью и конфискацией имуществ пяти человек. Затем начались снова распутства и наглые выходки “золотой” молодежи и женщин легкого поведения. А Савонарола все сидел в своей келье, писал новые сочинения, издал “Триумф Креста”, замечательное изложение значения христианской веры, но тем не менее не мог проповедовать, хотя его проповедь была нужна и друзья настаивали на ее необходимости. Настало Рождество. Савонарола решился отслужить обедню, причастил монахов и толпу сошедшихся к нему граждан, сказал перед церковью торжественную речь собравшимся. Это было начало активного протеста против отлучения. Друзья известили Савонаролу, что с разрешения сеньории в соборе опять устроены сиденья и ступени около окон, то есть все готово для новой проповеди любимого проповедника. Он дал обещание выйти на кафедру в воскресенье 11 февраля 1498 года. Тщетно пробовал флорентийский архиепископ Леонард Медичи протестовать против этого: сеньория объявила ему, что в случае его сопротивления его немедленно лишат сана и признают мятежником. Смелый шаг протеста против Рима был сделан, и Савонарола заговорил снова, на этот раз об отлучении, об авторитете папы, о свободе совести и праве не подчиняться неправильным распоряжениям. Он прямо сказал, что его преследуют не ради религии, а потому, что хотят уничтожить республику и снова вернуть в страну тирана. Они ненавидят и его, Савонаролу, не за противоречия догматам религии, а за то, что он обличает порочное духовенство. “Ты был в Риме, – восклицал он, – и знаешь жизнь этих священнослужителей. Скажи же мне, кажутся ли они носителями церкви или светскими людьми? У них придворные, оруженосцы, лошади и собаки; их дома полны тканых обоев, шелковых тканей, ароматных курений и слуг: похоже ли все это на церковь Божию?

Их высокомерие наполняет весь свет и не меньше того их алчность. Все делается за деньги; их колокола звонят для их корысти; они кричат только о добыче денег, хлеба и свечей. Для вечерен и молебнов они становятся в хор, надеясь что-нибудь заработать, а на заутрени их не увидишь, так как тут ничего не добудешь. Они продают места, продают таинства, продают обряд крещения, продают все. И еще толкуют об отлучении!" Горячо протестуя в последней своей проповеди перед карнавалом против отлучения, Савонарола доказывал, что он стоит за безупречную жизнь, за добродетели, что отлучение, запрещающее ему делать доброе дело, исходит от дьявола. "И какое отлучение может заставить нас бездействовать, когда дело идет о спасении людей? Этот долг выше всяких отлучений, от кого бы они ни исходили. Если бы стали подчиняться несправедливым решениям, то какой-нибудь дурной папа мог бы погубить всю церковь и ему все-таки пришлось бы подчиняться? Впрочем, нужно сказать, что такие отлучения в наши дни дешевый товар. За четыре лиры можно отлучить кого угодно; потому отлучения и не стоят ничего". После этой проповеди Савонарола заявил, что в последний день карнавала он будет служить обедню и благословит народ на площади Сан-Марко. "И пусть каждый молится в это время, – страстно сказал он, – чтобы Господь ниспослал на меня свой пламень и низверг бы меня в ад, если моя проповедь исходит не от Него". Этот последний день карнавала прошел торжественно: Савонарола причастил и благословил народ, по городу собирали на бедных, на площади второй раз происходило сожжение суетных вещей, но разнузданная "золотая" молодежь на этот раз то тут, то там оскорбляла "плакальщиков", то есть партию Савонаролы, и производила скандалы. Вообще каждый, даже недальновидный наблюдатель мог теперь заметить, что страшная буря близка и что дело идет уже не о какой-нибудь одной флорентийской республике, а о папстве, о католической церкви. По Италии, по Франции, по Германии разносились брошюры, говорившие о проповедях Савонаролы, везде видели в нем великого поборника обновления церкви. В вечном городе прелаты, кардиналы и сам папа были в ярости на монаха, осмелившегося видеть высший авторитет только в Боге и в своей совести; флорентийского посла осуждали недовольные Флоренцией и сеньорией люди, а в августинской церкви перед избранной публикой и князьями церкви Дженнаццано кричал как бесноватый против Савонаролы, раздражив, впрочем, слушателей своей бессодержательной руганью. Кардиналы из более дальновидных итальянцев подсказали наконец папе, что медлить нельзя, что в церкви готовится раскол и что стоит только во главе

противников встать влиятельному лицу, чтобы дело стало опасным.

Побуждаемый этими советами, опасаясь за собственное благосостояние, папа Александр VI приступил к более решительным мерам и обратился к флорентийской сеньории с выражением неудовольствия за ее поведение и требуя отправки Савонаролы в Рим или заключения его в тюрьму и отлучая от церкви всех, кто будет говорить с ним или слушать его. Хотя сеньория, выбранная на март и апрель, была враждебна Савонароле и находилась под председательством родственника Петра Медичи, тоже Петра Медичи, переменившего только после революции 1494 года свою фамилию на Пополаски и оставшегося тем же волком и в этой лисьей шкуре, тем не менее сама сеньория не решилась изречь своего приговора над Савонаролой, боясь народа, и созвала особое собрание для обсуждения разных неотложных дел, а в том числе и вопроса о Савонароле. На собрании выяснилось, что дела республики плохи до последней степени: расходы превышали доходы, кругом были враги, борьба становилась почти немыслимой. Но как ни страшно было положение государства, а все же нельзя было исполнить требование папы относительно Савонаролы, так как мог начаться народный мятеж. Папу известили об этом, уклончиво заметив, что “Савонарола опять удалился из собора в свой монастырь”. Он и точно удалился в монастырь, где написал сочинение, специально посвященное светскому предмету, а именно: “О правлении и законодательстве города Флоренции”.

Не ограничиваясь этим, Савонарола принялся в монастыре и за проповеди; так как церковь была невелика, то на проповедь допускались одни мужчины и только раз в неделю, по субботам, допускались женщины, так как и флорентийки громко требовали доступа к излюбленным проповедям. Проповеди теперь вращались около разъяснения вопроса о том, может ли папа заблуждаться? Ответ был утвердительный: “Папа может заблуждаться как человек вообще; может заблуждаться как дурной человек, ненавидящий христианскую любовь; так, дурной папа Бонифаций VIII слушался голоса дьявола; он прошел в папы как лисица, и умер как пес”. Впервые в этих проповедях Савонарола явно заговорил “о соборе”, который должен избрать реформаторов для возобновления церкви. В Риме эти проповеди вызвали необыкновенное волнение, причем папа написал строгое послание к сеньории; и она опять собрала экстренное собрание, которое теперь волей-неволей решалось высказаться против проповеди Савонаролы. В этот день он сказал последнюю проповедь женщинам, а вечером получил извещение о

запрещении проповедовать и на другой же день, 18 марта 1498 года, простился с народом. У великого проповедника оставалась одна надежда на созвание собора: он хотел призвать к ответу папу, показать его в настоящем свете развратника и убийцы, доказать, что он достиг престола подкупом, наконец обличить его как еретика и безбожника.

– Настанет день, когда я воскликну: Lazare veni foras! – говорил он.

Этот день, казалось ему, теперь близок, и всегда прямой и честный до наивности Савонарола послал коротенькое извещение папе о том, что он более не надеется на него, а вступит с ним в борьбу при помощи Божией. Он считал нужным действовать открыто даже с такими коварными лицами, как Александр Борджиа, воображая, что словом можно победить и яд, и кинжал. Собрание собора казалось вполне осуществимым, так как на это соглашался Карл VIII, этого требовал кардинал Сан-Пьер из Винкулы, это же считали необходимым многие кардиналы для избежания раскола. Савонарола приготовил свое знаменитое “письмо к князьям”, то есть к французскому, испанскому и английскому королям и к германскому императору. Прежде всего он послал это письмо к Карлу VIII.

Что-то роковое было всегда в судьбе Савонаролы, как это ясно видно из всего рассказа о его жизни: не сам он выдвинулся в свет из монастырской кельи, где искал успокоения, где хотел быть чернорабочим; не сам он вмешался в политическую деятельность, превратившись из простого проповедника в человека, предписывающего законы; не сам он стремился продолжать свою проповедь в тяжелые минуты, когда его требовал на кафедру народ, а встревоженная смутой сеньория заставляла проповедовать для усмирения толпы. Это нечто роковое случилось и теперь: Людовик Сфорца, разбойничавший на больших дорогах, ограбил курьера, везшего среди других писем и письмо Савонаролы во Францию. Этот документ, свидетельствовавший о желании Савонаролы низвергнуть папу, был тотчас же доставлен Александру Борджиа. Судьба Савонаролы была решена разом, так как щадить его уже было невозможно.

Флорентийцы, казалось, вдруг потеряли головы и, охваченные паническим страхом, не знали что делать: республике грозили и папа, и Сфорца, и вся лига итальянских князей – и все это, казалось, из-за одного монаха. От Савонаролы разом отшатнулись все, кроме немногих преданных ему лиц и его монахов. Все общество было охвачено стадным малодушием, никто не знал, что делать, и вдруг один монах из другого ордена

предложил испытать справедливость учения Савонаролы при помощи “огненной пробы”; все разом вздохнули свободнее: сгорит Савонарола – и конец; не сгорит – они все оправдаются перед папой! “Беснующиеся”, сеньория, “серые”, “золотая” молодежь были убеждены, что он сгорит: туда и дорога! Сторонники Савонаролы, плакальщики, монахи были уверены, что он не сгорит; значит, их верования святы! Только несколько вполне трезвых людей в созванном сеньорией совете стыдили остальных: “Дело не в монахе или немонахе; не в беснующихся или небеснующихся, а в том, что отечество в опасности; надо думать не о том, как погибнут те или другие люди, в огне, в воде, в земле или в воздухе, а о том, как спасти республику; наши предки опустили бы руки, если бы знали, что наше государство дойдет до такого позора и посмешища”.

Этих благоразумных людей никто не хотел слушать. С таким же пренебрежением отнеслись и к самому Савонароле, которого даже не спросили, как он ответит на вызов францисканца: никто не сомневался в его согласии. Ближайший сподвижник Савонаролы, страстный Доменик, не колеблясь, от его имени, согласился на “огненную пробу”; другой монах Сильвестр утверждал, что он уже видел ангелов Джироламо и Доменика и они сказали, что последний выйдет из огня живым. Савонарола глубоко верил в видения Сильвестра и еще более верил в правоту своего дела и потому не протестовал против решения Доменика, принявшего вызов францисканца. На 6 апреля была назначена “огненная проба”, однако уже 5 апреля вечером ее отложили на 7 число. В назначенный день с раннего утра вся Флоренция собралась на площадь, где были приготовлены подмостки, на которых должны были гореть францисканец и доминиканец. Доменик явился с Савонаролой, причастился и стал молиться. Францисканец, струсивший теперь за себя, не являлся и о чем-то переговаривался во дворце с сеньорией, ожидавшей из Рима приказания отменить “огненную пробу”. Нетерпение толпы росло с каждой минутой, а францисканец все не выходил из дворца и начал переговоры о том, что красная одежда Доменика заколдована и ее надо снять. Савонарола ответил, что все условия огненной пробы были оговорены ранее и теперь спорить не о чем. Терпение проголодавшейся толпы лопалось, и было достаточно одного слова, одного вызова, чтобы поднялась свалка. Вызванная каким-то конюхом буря началась, и “беснующиеся”, ожидавшие этой минуты, бросились на Савонаролу. Командовавший отрядом солдат Сальвиати бросился со своими людьми к Савонароле, успел окружить его и крикнул:

– Кто подойдет, тот попробует моего меча.

Мало-помалу толпа стихла вновь и стала опять ожидать. Францисканец по-прежнему не являлся. Внезапно разразившийся ливень, гром и молния не могли разогнать толпу, и, когда они опять прекратились, из дворца сеньории явился посланец для объявления Доменику, что он должен оставить распятие, гореть с которым ему не позволят.

– Мне все равно, – сказал Доменик, оставляя крест. – Я принял святое причастие.

– Как, ты хочешь сжечь тело Христово?

Начался диспут, долгий, скучный, с цитатами. Тогда раздался приказ сеньории об отмене “огненной пробы”, так как ливень смочил горючие материалы.

– Это все проделка Савонаролы и Доменика! – роптали в толпе их недруги. – Доминиканцы струсили! Савонарола вызвал волшебный дождь.

Толпа опять пришла в ярость, и было нелегко защитить Савонаролу, Доменика и их друзей, возвратившихся в монастырь Сан-Марко, где весь этот день женщины молились о спасении Доменика. Наскоро рассказав им все пережитое за этот тяжелый день, Савонарола заперся в отчаянии в своей келье. Эта история была только прелюдией к концу страшной драмы; на следующий день вся Флоренция была в сильнейшем возбуждении: “беснующиеся” и “золотая” молодежь энергично вызывали плакальщиков на бой, последние упали духом и тоже толковали, что Доменик и Савонарола должны были идти в огонь и чудом доказать свою правоту. Буря надвигалась в течение всего дня, и после обеда на улицах начались первые стычки; в соборе, где собрался народ, “золотая” молодежь напала на плакальщиков, а через несколько минут раздались крики: “В Сан-Марко! в Сан-Марко!”. Это был сигнал для осады монастыря. Доминиканцы были предупреждены о готовящемся на них нападении и запаслись оружием, шлемами и латами. Это было кстати, так как разъяренные противники Савонаролы действительно осадили монастырь, подожгли двери, перелезали через стены и в переходах и галереях монастыря началась битва. Тщетно уговаривали Савонарола и Доменик молодых монахов, надевших на белоснежные рясы латы и шлемы, оставить оружие, тщетно хотел Савонарола отдаться прямо врагам. Монахи уже не слушались своего настоятеля. Описания этого дня полны страшными и трогательными сценами; борьба шла не на живот, а на смерть, и монахи проявляли чудеса храбрости; молодой немец по имени Генрих, живший в монастыре, один делает нападение на штурмующую монастырь толпу, захватывает ружье и стреляет метко и безостановочно, радостно крича при каждом выстреле:

Salvem fac populum Tuum, Domine!” Дальше толпа врывается на хоры, где молятся монахи; при виде врагов монахи вскочили и стали сражаться с осаждающими – деревянными и железными распятиями и горящими восковыми свечами, как мечами; а молодой Джироламо Джини, член народной партии, жаждавший вступить в Доминиканский орден, защищает монастырь, идет навстречу смерти за Иисуса Христа и, смертельно раненый, дополз до Савонаролы, прося посвящения в монахи перед смертью. А за стенами монастыря враги настигают доблестного сторонника Савонаролы Франческо Валори, убивают его перед его домом, заодно с ним убивают и его жену, показавшуюся у окна, врываются в дом, ломают все, грабят и, срывая полог с постели, сами того не замечая, раздавливают ребенка Валори.

– Беги, беги, брат, – уговаривают приверженцы Савонаролу, зная, что он может спастись задними ходами.

Он минуту колеблется, но тут раздается коварный вопрос вероломного монаха Малатесты:

– Разве пастырь не должен предать своей жизни за овец своих?

Глубоко пораженный этими словами, Савонарола обнял своего Иуду, обнял других монахов и отдался в руки слуг сеньории, которая уже давно требовала его выдачи.

Радостные вести полетели от сеньории в Рим, в Милан, в Париж, где роковым для Савонаролы образом уже не было для него защитника, так как Карл VIII умер накануне жалким образом, как жил: в дороге, в грязи, на гнилой соломе.

Глава VII

Следствие над Савонаролой. – Пытки. – Казнь. – Обвинения против Савонаролы. – Общая оценка его деятельности

Роль Савонаролы как общественного деятеля, церковного реформатора, учредителя, законодателя и негласного правителя целого государства была закончена. За днем 7 апреля 1498 года наступает собственно личная история отдельного человека, полная ужасов и трагизма, но без выдающегося общественного значения. Над Савонаролой, Доменико и Сильвестром было назначено следствие, а чем было следствие в XV веке, нетрудно себе представить. Савонаролу, испостившегося, хилого, нервного, подняли на дыбу и так быстро потом опустили веревку, что можно было сойти с ума от одной этой встряски; потом опять поднимали на дыбу и прижигали ему в это время подошвы горячими угольями; далее его пытали четырнадцать раз в один день. Продлив эти пытки в течение нескольких дней, ему дали передохнуть и после отдыха принялись опять за новые пытки, за которыми последовал еще отдых и еще пытки. Все это делалось с целью добыть “добровольные” признания. Иногда у несчастного мутился разум, иногда он восклицал: “Господи, Господи, Тебе предаю дух мой” или: “Господи, Господи, довольно!” Но показания его пришлось все же подделывать и искажать, потому что он даже при всем желании не мог признать за собой еретических мнений в религии, греха в желании блага родной стране и только относительно пророческого дара он мог теперь поколебаться на минуту. В минуты пыток он подписывал все, что его заставляли подписывать, и после окончания пыток снова стоял твердо за свою правоту. Несмотря на пытки, несмотря на подложные показания, несмотря на оскорбления со стороны папских клевретов, Савонарола нашел еще силы написать три небольших, но важных по своему католическому духу статьи в тюрьме: “На Тебя, Господи, уповаю”, “Размышления о Miserere” и “Указания к христианской жизни”, написанные на переплете одной книги по просьбе тюремного стража, благоговевшего перед Савонаролой, – он нашел силы по-прежнему удивлять людей своим достоинством и покорять сердца своей чистотой и мягкостью, так что даже все подлоги не могли вооружить против него его товарищей по тяжкому незаслуженному испытанию: Доменика и Сильвестра. Само собой понятно, что приговор суда не мог быть ничем иным, как приговором к убийству, носившему на юридическом языке название “смертной казни”. “Преступники” должны были быть повешены, а потом сожжены.

Целый ряд трогательных и глубоко запечатлевшихся в народной памяти сцен произошел в день казни, назначенной на 23 мая. Оскорбленный чернью, поруганный, шел Савонарола к тому месту, где возвышалась виселица в виде креста. Кто-то подошел к нему со словами утешения.

– В последний час, – ласково ответил Савонарола, – утешить может только Бог.

– Господь столько страдал за нас! – заметил он на вопрос священника, добровольно ли он принимает мученическую смерть.

Перед Савонаролою шли воодушевленные Доменик и Сильвестр; первый, подходя к виселице, громким голосом пел: “Тебя, Бога, хвалим”; второй, вошедши на платформу и повиснув в воздухе, проговорил спокойно: “В Твои руки, Господи, предаю дух мой”. Когда дошла очередь до Савонаролы, он бросил последний взгляд на толпу; она, когда-то нетерпеливо ожидавшая каждого слова из его уст, теперь нетерпеливо ждала с факелами в руках, скоро ли можно будет поджечь помост. Гробовая тишина воцарилась в толпе, когда палач надевал веревку на шею Савонаролы. Вдруг раздался голос:

– Пророк, пришло время: сотвори чудо!

Палач, чтобы доставить удовольствие толпе, начал играть, как куклою, висевшим телом Савонаролы, еще содрогавшимся в последних конвульсиях, и, крутя и качая его, чуть не полетел с помоста. Едва успел соскочить палач с подмостков, как к ним поднесены были факелы. Вдруг внезапный вихрь отнес далеко в сторону от трупов вспыхнувшее пламя.

– Чудо! чудо! – раздались голоса, и множество людей трусливо отхлынули от помоста.

Но ветер улегся, и пламя охватило горячими языками тела мучеников. Народ снова прихлынул к помосту. В это время уже перегорела веревка, связывавшая руки Савонаролы; они медленно зашевелились, и правая рука слегка приподнялась, как бы благословляя народ... Подводя итоги сказанному выше о жизни Савонаролы, остается еще заметить, что вместе с Савонаролой погибло и начатое им дело, погибло и созданное им государственное устройство. Павший Савонарола сделался предметом порицаний и брани. Его упрекали за то, что он дал “детям” власть и превратил их в каких-то шпионов, которые обличали, преследовали и обижали взрослых, нарушивших правила нравственной жизни. Обыкновенно забывали при этом, что “детьми” во Флоренции считались юноши до двадцатилетнего возраста и что эти дети до Савонаролы были разнузданны, назойливы и жестоки, забавляясь играми вроде уличных битв каменьями, и обещали в будущем сделаться лихими

“кампаньяцци” – этим злом распутной Флоренции. Савонарола, организовав “детей”, дал другое направление им и только желал выработать из них будущих граждан. Его упрекали за сожжение им будто бы предметов искусства и литературы. Нечего и говорить о том, что ни драгоценных картин, ни библиотек, ни мраморных статуй не могло быть сожжено в два карнавальных сожжения “суетностей”. Но этого мало. Обвинители забывали, что Савонарола был величайшим поклонником искусства вообще. Он заставил монахов Сан-Марко употребить монастырские деньги на покупку библиотеки Медичи, чтобы всякий мог пользоваться этой библиотекой. Он постоянно был окружен известнейшими художниками того времени, хлопотал о том, чтобы юные послушники учились живописи. Одним из самых горячих его поклонников был Микеланджело, этот “гигант итальянского искусства”, которого “дурак” Петр Медичи заставлял делать статуи из снега; Микеланджело постоянно слушал проповеди Савонаролы в юности и свято сохранил до старости воспоминания и о Савонароле, и о его политических идеях, которым великий художник был верен до смерти. Знаменитый Бартоломео не только развился под влиянием Савонаролы, но после смерти последнего на несколько лет даже бросил в отчаянии живопись. Савонарола не только сам занимался поэзией, но и высказывал свои воззрения на прекрасное, причем говорил, что прекрасным может быть только то, что отличается не одною внешнею формою, но и внутренним содержанием; прекрасное всегда нравственно, так как безнравственность не может быть прекрасна как ложь и извращение здоровой человеческой натуры. Он проповедовал, что искусство должно служить Богу и свободе, то есть правде и родине, а все бесцельное, безнравственное, извращающее человеческую натуру он не считал ни прекрасным, ни принадлежащим к предметам искусства и преследовал как суетности, как вредные вещи. Вообще долгое время Савонаролу представляли каким-то исключительно суровым и сухим аскетом. И точно, он вел сам в высшей степени аскетическую жизнь, был почти нищим; но трудно было бы представить более мягкого, более нежного, более сердечного человека. Мать, братья, старики, монахи, юные послушники, женщины и дети – все одинаково знали, как он умеет любить. Эта любовь сквозит в его интимной переписке и является почти женственной. Преследуя разврат, разгул, разнузданность, он никогда не проповедовал в сущности исключительно аскетизма, безбрачия, хотя и желал, чтобы брак был свят, как тесный союз любящих сердец. Но он потерпел поражение, его республика пала. Где же кроются причины этого?

Уже было сказано, каким роковым образом сложились враждебные для республики чисто внешние обстоятельства. Только чудом могло уцелеть юное государство, как бы ни было оно хорошо, в борьбе с папой, со Сфорцой, с лигой князей, ставших за своего собрата Медичи, с беснующейся аристократией, с разнузданной “золотой” молодежью, с безденежьем, с голодом, с чумой. Было и еще одно обстоятельство, которое с самого начала говорило о том, что обновленной Флоренции трудно будет бороться с врагами, если она не изменит своей политики. Это обстоятельство – стремление Савонаролы бороться исключительно чистыми и безупречными средствами с политическими разбойниками и злодеями, для которых великодушный Савонарола требовал еще амнистии.

“Он погиб, потому что не смог или не сумел победить завистников”, – сказал про него Макиавелли.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ:

1. *K. Clarck.* Savonarola, his Life and Times. – London, 1878.

2. *Karl Hase.* Neue Propheten. – Leipzig, 1851.

3. *K. K. Madden.* The Life and Martyrdom of Savonarola. – London, 1854.

4. *Fr. Karl Meier.* Girolamo Savonarola. – Berlin, 1836.

5. *F.T. Perrens.* Jerome Savonarola. – Paris, 1859.

6. *Ranke.* Historisch-biographische Studien, 1877.

7. *A. G. Rudelbach.* Hieronimus Savonarola und seine Zeit. – Hamburg, 1835.

8. *Pasquale Villari.* La Storia di Gir. Savonarola e de suoi tempi. – Firenze, 1859 – 1861.

9. *Capponi* (Storia della republ. di Firenze), *Comba* (Storia della riforma in Italia) и общие труды по истории *(Мишле, Шлоссер* и др.)

notes

Примечания

1

Кондотьери, кондотьеры (ит.) – вожди наемных дружин XIV – XV веков в Италии.

гибели мира *(лат.)*.

3

Большой Совет на манер венецианского *(ит.)*.

ломбард ***(ит.)***.